

ДАНИЭЛА СТИЛ



Любовница

Даниэла Стил

Любовница

«АСТ»

2017

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Coe)-44

Стил Д.

Любовница / Д. Стил — «АСТ», 2017

ISBN 978-5-17-105857-9

Молодой художник Тео Лука мирно жил в тени славы своего знаменитого отца, в роскоши причудливого ресторана-музея, в который его предприимчивая мать превратила семейное имение. Но однажды этот ресторан посетил бизнесмен-миллиардер Владимир с любовницей Наташей — и жизнь Тео разделилась на «до» и «после». Своей красотой Наташа произвела на художника столь неизгладимое впечатление, что он стал писать по памяти ее портрет. Случайные редкие встречи с ней лишь усиливали чувства Тео, и как бы он ни пытался совладать с ними, ни днем, ни ночью, словно одержимый, не мог выбросить из головы образ таинственной красавицы... Но разделяла ли Наташа его чувства — и если да, то рискнула бы вырваться из-под власти своего могущественного любовника?..

УДК 821.111-31(73)

ББК 84 (7Coe)-44

ISBN 978-5-17-105857-9

© Стил Д., 2017

© АСТ, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Даниэла Стил

Любовница

Посвящается Беатрикс, Трэвору, Тодду, Нику, Сэму, Виктории, Ванессе, Максу и Заре – моим любимым и замечательным детям.

Делайте правильный выбор в жизни, а в случае неудачи мудрость и смелость помогут вам все изменить.

Будьте счастливы, благополучны и окружены любящими вас людьми.

Пусть избранные вами пути будут легкими, а счастье – безграничным.

Всегда знайте и помните, как сильно я вас люблю.

Ваша мама ДС

© Danielle Steel, 2017

© Перевод. Е.А. Ильина, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Глава 1

Теплый июньский день заканчивался, когда в сгущавшихся сумерках огромная моторная яхта «Принцесса Марина» бросила якорь у побережья Антиба в Средиземном море неподалеку от всемирно известного отеля «Дю Кап». Яхта длиной пять сотен футов стояла у всех на виду, и с берега можно было наблюдать, как команда из семидесяти пяти человек драит палубу и смывает морскую соль с поверхностей, как проделывала это каждый вечер. Случайные прохожие осознавали ее истинные размеры, лишь заметив, какими крошечными казались снующие по палубе матросы. Яхта была ярко освещена, и каждый, кто был немного знаком с этой частью побережья, знал, что это за судно и кому оно принадлежит, хотя рядом покачивалось на волнах еще несколько подобных яхт. Они были слишком велики, чтобы зайти в порт, если только он не был рассчитан на прием круизных лайнеров. Не так-то просто причалить к берегу на таком судне, какой бы профессиональной ни являлась команда.

Хозяин «Принцессы Марины» Владимир Станиславов владел еще тремя моторными яхтами, ожидающими его в разных портах мира, и парусником триста футов длиной, купленным у одного богатого американца, которым тот почти не пользовался. Владимир предпочитал именно «Принцессу Марину», названную в честь его матери. Она умерла, когда ему было четырнадцать лет. Это был настоящий плавучий остров, и его показная роскошь стоила хозяину целого состояния. Владимир владел также огромной виллой на мысе Сен-Жан-Кап-Ферра, купленной у известной кинозвезды. Но он не чувствовал себя в безопасности на земле, поскольку нападения на богатые виллы на юге Франции были обычным делом. Поэтому предпочитал проводить время на яхте под охраной членов экипажа, большинство из которых проходило подготовку в спецподразделениях по борьбе с терроризмом и имело целый арсенал современного оружия. К тому же яхта была оснащена ракетной установкой и позволяла владельцу свободно передвигаться по миру.

Владимир Станиславов слыл одним из богатейших людей России и мира, монополизировавшим сталелитейное производство двадцать лет назад, с одобрения правительства. Он обладал обширными связями с очень влиятельными людьми, знакомство с ними состоялось еще на заре его карьеры. В переломное для страны время ему удалось сколотить приличное состояние, которое Владимир значительно приумножил, инвестируя средства в нефтяную промышленность у себя на родине и за рубежом. Истинного размера его состояния не знал никто – суммы, лежавшие на счетах в банках, попросту не поддавались осмыслению. Когда ему исполнился сорок один год, общий размер состояния оценивался в сорок или пятьдесят миллиардов долларов, заработанных на сделках и инвестициях. И это по официальным данным. Владимир был на короткой ноге с представителями высших эшелонов власти. В круг знакомых входили также главы других стран. Неслыханной стоимости яхта, сверкающая в сумерках подобно бриллианту, являлась лишь незначительным символом его связей и невероятных возможностей в бизнесе, приносящих прибыль и славу.

Владимир внушал восхищение и страх. Достижения за последние девятнадцать лет в качестве основного игрока на промышленном рынке вызывали восхищение и зависть деловых людей во всем мире. Близко знакомые с ним партнеры знали, что это – верхушка айсберга. За Владимиром закрепилась репутация безжалостного человека, никогда не прощающего своих врагов. Впрочем, его нельзя было назвать совсем уж бесчувственным. Страсть Владимира к искусству, любовь ко всему прекрасному и глубокие познания в литературе ни для кого не были секретом. Он предпочитал компанию себе подобных, и его друзья – в основном выходцы из России – имели немалый вес в деловом мире. В спутницы Владимир тоже выбирал русских. Он владел красивым домом в Лондоне, виллой на юге Франции и поражающими воображе-

ние апартаментами в Москве, однако всегда ассоциировался со своими соотечественниками. Получал желаемое и контролировал львиную долю капиталов России.

Несмотря на влияние и богатство, Владимир не выделялся в толпе, предпочитая не привлекать внимания к собственной персоне, и слыл весьма непритязательным. Скрамно одетого, его вполне можно было принять за простого обывателя. Но стоило заглянуть ему в лицо, и сразу становилось ясно, что этот человек обладает безграничной властью и возможностями. От его взгляда не ускользала ни одна деталь. Надменно выступающий вперед подбородок и манера держаться свидетельствовали о том, что он не потерпит отказа ни в чем. Однако редко возникающая на губах улыбка таила в себе тщательно скрываемое и никогда не выпускаемое на волю тепло. Высокие скулы и разрез глаз, намекающие на наличие в его генеалогическом древе выходцев из Азии, придавали ему своеобразный шарм. Женщин влекло к нему с тех самых пор, как он был совсем мальчишкой, но Владимир никому не позволял проникнуть к себе в душу или сердце. Он полностью контролировал свою жизнь, не испытывал глубоких привязанностей и не желал ничего в ней менять.

Высокий, крепкий блондин с похожими на льдинки голубыми глазами и резкими чертами лица, он был скорее интересным, нежели красивым в классическом понимании этого слова. А в редкие моменты расслабленности от него даже веяло сентиментальностью, присущей большинству выходцев из России. Ничто в жизни Владимира не происходило случайно или незапланированно. Каждое действие было тщательно продумано и являлось частью единого целого. С момента его прихода к власти Владимир сменил нескольких любовниц. Однако в отличие от своих ровесников и коллег по цеху не стремился завести детей и ясно высказывал свои намерения в самом начале отношений. Он жестко и решительно пресекал попытки привязать его к себе и тщательно избегал всего, что могло бы сделать его уязвимым.

Большинство знакомых бизнесменов имело по меньшей мере по одному ребенку от каждой из своих любовниц. Обычно ребенок появлялся на свет по настоянию женщины, желающей обеспечить свое финансовое благополучие в будущем. Владимир же отказывался стать жертвой подобных требований. Дети не вписывались в его планы. Он без сожаления принял решение остаться бездетным много лет назад. Владимир был щедр со своими женщинами до тех пор, пока они оставались рядом с ним, но не давал никаких обещаний на будущее. Ни одна из них даже не пыталась манипулировать им или на чем-либо настаивать. Владимир напоминал свернувшуюся в клубок змею, готовую в любой момент броситься в атаку. Неизменно бдительный и потенциально беспощадный с теми, кто осмелился перейти ему дорогу. Он мог быть нежным, хотя в нем и чувствовалась врожденная безжалостность, а мог быть опасным, когда кто-то пытался переступить границы дозволенного. Мало кто осмеливался проверить, на что способен этот человек. И уж точно не его женщины. Наташа, нынешняя спутница Владимира, прекрасно знала, что отсутствие детей являлось основным условием нахождения рядом с ним. К тому же он сразу дал ей понять, что никогда на ней не женится. Все обсудив, они больше не поднимали эту тему. Женщины, пытавшиеся убедить его в обратном или как-то обмануть, мгновенно исчезали из жизни Владимира. Они получали компенсацию. И все же щедрая сумма не шла ни в какое сравнение с тем, что они могли бы иметь, оставаясь при нем. Владимир никому не позволял дурачить себя и не шел на компромисс, если только это не служило каким-то определенным целям. Он слушался своего разума, но не сердца. Владимир никогда не достиг бы того, что имел сейчас, если бы позволил себе хоть на мгновение стать доверчивым или уязвимым перед женскими чарами. Он никому не доверял, поскольку с детства твердо усвоил, что полагаться можно только на себя.

Взобравшись на вершину, Владимир начал с головокружительной скоростью набирать силу и сколачивать капитал. И вот теперь он парил где-то в стратосфере, обладая почти безграничной властью и состоянием, о размере которого можно было лишь догадываться. Владимир в полной мере наслаждался плодами своих трудов. Ему нравилось быть обладателем

многочисленных «игрушек» – домов, яхт, баснословно дорогих спорткаров, самолета и двух вертолетов, позволяющих ему беспрепятственно путешествовать по миру, а также коллекции произведений искусства, к которым он питал настоящую страсть. Для него было важно находиться в окружении красивых вещей. Он обожал обладать всем самым лучшим.

Владимир не гнался за развлечениями, но с удовольствием пользовался возможностью немного расслабиться, когда таковая предоставлялась. Основным для него был бизнес и многочисленные сделки. И все же время от времени он посещал казино или другие увеселительные заведения. У Владимира было мало друзей, и все они – наиболее важные для него партнеры по бизнесу или политики, которых он купил с потрохами. Владимир не боялся рисковать и не терпел праздности и скуки. Его ум работал с невероятной скоростью. Женщину, которая находилась сейчас рядом с ним, он встретил семь лет назад. Он изменил ей несколько раз, да и это было редкостью среди людей его круга. У Владимира попросту не было времени на бесцельный флирт, и кратковременные связи его не интересовали. Владимира вполне устраивала нынешняя любовница.

Наташа Леонова была самой красивой женщиной из тех, что он когда-либо встречал на своем пути. Впервые Владимир увидел ее на улице Москвы – юную, замерзающую, но невероятно гордую. Она понравилась ему с первого взгляда, а ее настойчивый отказ от какой бы то ни было помощи заставил Владимира узнать ее получше. После года настойчивых ухаживаний Наташа ослабила оборону и стала его любовницей. Это случилось, когда ей было девятнадцать лет. Теперь же Наташе стукнуло двадцать шесть.

Она играла роль гостеприимной хозяйки, когда Владимир хотел этого. Но никогда не выходила за установленные им рамки дозволенного. Наташа была для него чем-то вроде дорогого, эффектного аксессуара, призванного подчеркнуть статус своего владельца. Владимир не требовал от нее большего, хотя она обладала недюжинным умом. Ему нужна была лишь ее красота и присутствие рядом в любой момент дня или ночи без всяких объяснений. Наташа же, в свою очередь, никогда не пыталась узнать то, во что Владимир не считал нужным посвящать ее. Она неизменно ждала его там, где он указывал, будь то любой город мира, одна из его яхт или домов. И Владимир щедро вознаграждал ее за верность и послушание. Наташа ни разу не обманула его, иначе давно бы исчезла из его жизни. Их отношения основывались на соглашении, устраивавшем обоих. Так что спустя семь лет Наташа все еще находилась рядом с Владимиром, продержавшись дольше своих предшественниц. Она стала частью тщательно отлаженной машины, поддерживающей жизнь Владимира на должном уровне, и он очень ценил ее за это. Они оба знали, какую роль играют в жизни друг друга, и не помышляли о большем. И это отлично работало.

С грацией профессиональной танцовщицы Наташа передвигалась по потрясающей красоты каюте яхты, несколько месяцев в году служившей им с Владимиром домом. Ей нравилось жить на яхте, нравилась предоставляемая ею свобода. Ведь они могли поменять дислокацию в любой момент, отправившись, куда пожелают. Когда же Владимир был занят или улетал на встречи с партнерами, Наташа оставалась одна. Она могла покинуть яхту, чтобы выполнить какое-то поручение Владимира, отправлялась по магазинам или оставалась на борту. Наташа осознавала особенности своей жизни с Владимиром. Она давно научилась понимать, чего он от нее ждет, и умело исполняла любое его желание. В обмен на это он любил ее безупречную красоту, которую щедро демонстрировал окружающим. Наташа всегда находилась в центре внимания, как его «феррари» или редкий бриллиант. В отличие от других женщин, занимавших похожее положение, Наташа никогда не доставляла хлопот, ничего не требовала и ни на что не обижалась. Она являлась предметом зависти других мужчин. Интуиция подсказывала ей, когда нужно заговорить, а когда стоит хранить молчание, когда оказаться рядом, а когда обеспечить Владимиру уединение. Наташа тонко чувствовала его настроение, гибко подстраивалась под

обстоятельства и была легка в общении. Ничего не требовала от своего любовника, и взамен тот давал ей довольно много и щедро. Несмотря на то что Наташа очень ценила отношение Владимира и наслаждалась собственной жизнью с ним, она вполне могла бы довольствоваться и меньшим, что было неслыханно для женщины ее положения.

Наташа не строила никаких планов и не расспрашивала Владимира о людях, посещавших его яхту и заключавших с ним сделки. Он по достоинству ценил ее благоразумие, тактичность, способность оказаться рядом в нужный момент и сногсшибательную внешность. Наташа была его любовницей, и он никогда не обещал ей большего. Временами обращался с ней, как с музейной редкостью, которой хотелось похвастаться перед всеми. Собственным присутствием она словно подчеркивала его статус и являлась живым свидетельством отменного вкуса Владимира. Она знала его тем, кем он был для нее – добрым и щедрым, а порой очень опасным. Наташа не раз видела, как настроение любовника мгновенно менялось. Ей нравилось думать, что под внешностью жестокого бизнесмена скрывается замечательный человек, однако она даже не пыталась проверить верность своей догадки. Наташу устраивал собственный статус, и она искренне восхищалась своим любовником и его достижениями.

Владимир спас ее от отчаянной, беспросветной нищеты, когда в свои девятнадцать лет она замерзала на улицах Москвы, и Наташа до сих пор не забыла о том, что ей пришлось пережить. Она ничему не позволяла помешать исполнять ей свой долг перед этим человеком. Ей не хотелось возвращаться к полному лишений существованию, поэтому она не рисковала тем, что имела сейчас благодаря Владимиру. Под его защитой Наташа чувствовала себя в полной безопасности и ни в коем случае не хотела лишиться этого ощущения. Она прекрасно осознавала, кем была для своего любовника, и никогда не просила о большем. Владимир был для нее единственным и неповторимым, и она испытывала бесконечную благодарность за все, что он сделал.

Образ жизни Владимира не позволял Наташе иметь подруг. В ее мире существовало место лишь для одного него, и он не ожидал иного. Она играла по установленным им правилам без сожалений и недовольства в отличие от других женщин, занимающих аналогичное положение. Наташа была умна, знала свое место и границы дозволенного. Жизнь с Владимиром вполне удовлетворяла ее, и она наслаждалась ею в полной мере. При этом никогда не стремилась стать для Владимира кем-то другим. В качестве его любовницы она получала все, чего только могла желать, и даже больше. Наташа не сожалела об отсутствии детей или друзей. Никогда не мечтала стать официальной супругой Владимира. Ее вполне устраивало то, как она живет.

Наташа одевалась, когда снаружи раздался гул приближающегося вертолета. Она только что приняла душ и облачилась в белый атласный комбинезон, плотно облегающий восхитительные изгибы ее тела. В детстве она мечтала стать балериной, что было для нее совершенно невыполнимо. Наташа быстро провела щеткой по волнистым белокурым волосам, нанесла минимум косметики, вдела в уши бриллиантовые серьги, подаренные Владимиром, и сунула ноги в серебряные босоножки на высоких каблуках. В ее внешности не было ничего искусственного. Она обладала естественной красотой, которую не нужно было как-то подчеркивать, и Владимиру нравилось в ней это. Наташа напоминала ему любимые картины итальянских мастеров, и он мог любоваться ею часами. Грациозными изгибами тела, совершенной фигурой, шелковистыми белокурыми волосами и большими глазами оттенка летнего неба. Владимиру доставляло удовольствие беседовать с Наташей, обладающей недюжинным умом. Он терпеть не мог вульгарных, жадных и глупых женщин, а она была совсем иной.

Наташа поспешила вверх по лестнице к одной из площадок, располагавшихся на палубе, и оказалась среди членов команды и охранников, ожидающих прибытия вертолета. Ветер растрепал ее волосы, и она улыбнулась, пытаясь разглядеть в иллюминаторе лицо Владимира. А через мгновение летчик заглушил мотор, дверь открылась, и взору присутствующих предстал

хозяин яхты. Он кивнул капитану и отдал кейс одному из охранников. Заметив Наташу, Владимир улыбнулся. После переговоров в Лондоне она была именно такой, к кому ему хотелось вернуться. Он отсутствовал два дня и теперь радовался, что снова оказался на яхте, где мог расслабиться, хотя и здесь у него был обустроен кабинет для работы, и на стенах располагались мониторы для переговоров с офисами в Москве и Лондоне.

Иногда они с Наташей жили на яхте несколько месяцев, и с нее Владимир летал на деловые встречи. Та встреча, с которой он вернулся сегодня, прошла очень удачно, и он пребывал в прекрасном расположении духа. Владимир обнял Наташу за плечи, и они спустились в большой, красивый бар на нижней палубе. Стюардесса подала им по бокалу шампанского на серебряном подносе, и Владимир минуту смотрел на воду, прежде чем перевести взгляд на Наташу. Она никогда не расспрашивала его о встречах и знала о работе Владимира немного. Что-то она слышала, видела, о чем-то догадывалась. Однако не обсуждала увиденное или услышанное с Владимиром. Ее умение держать язык за зубами было важно для Владимира так же, как и ее красота. Он всегда был рад видеть Наташу после нескольких дней отсутствия. Сидя за стойкой бара, оба не замечали стоявших поодаль телохранителей, поскольку воспринимали их как предметы интерьера.

– Чем ты сегодня занималась? – мягко спросил Владимир, с восхищением взирая на белый комбинезон, обтягивающий тело Наташи подобно второй коже.

Провокационно она вела себя лишь в спальне, и все же весь ее облик источал такую чувственность, что мужчины неизменно завидовали Владимиру, что весьма льстило его самолюбию. Если яхта являлась мерилем благосостояния, то поражающая воображение красота Наташи свидетельствовала о его мужской состоятельности. Владимиру доставляло удовольствие осознавать это.

– Поплавала, сделала маникюр и немного побродила по магазинам в Каннах, – ответила Наташа.

Именно так проходили ее дни. В остальное время она оставалась на яхте, чтобы предстать перед ним по первому зову. Владимиру не нравилось, если Наташа отсутствовала, когда у него появлялось свободное время. А еще он любил плавать вместе с ней, обедать и разговаривать.

Наташа много читала об искусстве. Находила книги и статьи в Интернете, старалась быть в курсе всех новостей мира искусства. Она с удовольствием посетила бы курсы в Париже или галерею «Тейт» в Лондоне, но они с Владимиром нигде не оставались надолго, и Наташа не могла позволить себе ничего подобного. Несмотря на отсутствие академического образования, ее познания ширились и совершенствовались день ото дня, и Владимиру нравилось обсуждать с ней уже купленные картины и те, что он собирался приобрести. После таких бесед Наташа начинала тщательно изучать жизнь и творчество упоминаемых Владимиром художников. Она обожала отыскивать интересные факты о них, что приятно удивляло ее любовника. Наташа активно участвовала в беседах с экспертами в области искусства во время устраиваемых Владимиром обедов, и тот гордился ее глубокими познаниями.

Поскольку у Наташи не было друзей, она привыкла ходить по магазинам одна. Владимир позволял покупать все, что она пожелает, и с удовольствием дарил ей подарки. В основном это были драгоценности и многочисленные сумки «Эрмес» из кожи аллигатора всех мыслимых расцветок с бриллиантовыми застежками, стоившие целое состояние. Владимир, не скупясь, выбирал для Наташи наряды на неделях высокой моды. Такие, как этот белый комбинезон от «Диор», красовавшийся на ней сейчас. Ему нравилось баловать Наташу, являвшуюся для него своеобразной рекламой. В отличие от нее сам он одевался весьма просто и консервативно. Вот и сейчас Владимир вернулся из Лондона в джинсах, сшитом на заказ блейзере, голубой сорочке и туфлях из коричневой замши от «Эрмес». Несмотря на разницу в возрасте, они с Наташей великолепно смотрелись вместе. Иногда, пребывая в игривом расположении духа, Владимир шутил, что вполне мог бы быть ее отцом, хотя таковым не выглядел.

Наташа не ощущала одиночества, поскольку Владимир щедро вознаграждал ее за принадлежность лишь ему одному, и никогда не жаловалась. Она была бесконечно благодарна своему любовнику, и тот не уставал ею восхищаться. За семь лет он ни разу не встретил женщину, которую захотел бы сильнее или которая подходила бы ему больше, чем Наташа. Владимир изменял ей лишь время от времени, после важных переговоров, когда деловые партнеры приглашали специально нанятых девушек и ему не хотелось показаться недружелюбным. Остальные мужчины, как правило, сильно напивались, и у Владимира появлялась возможность ускользнуть с подобных мероприятий пораньше.

Когда они с Наташей допили шампанское, на небе начали вспыхивать звезды. Владимир сказал, что хочет принять душ и переодеться к ужину во что-то более неформальное, хотя ему нравился тот наряд, в каком Наташа была сейчас. Спустя столько лет ее красота еще будоражила его воображение. В каюте Наташа легла на широкую постель, а Владимир снял одежду и направился в отделанную черным мрамором ванную. Гардеробная и ванная комната Наташи были выполнены в розовом цвете.

Войдя в каюту, Владимир включил свет в холле снаружи. Для обслуживающего персонала это было знаком того, что хозяин не желает, чтобы его беспокоили. Включив музыку, Наташа поджидала Владимира в их просторной спальне, и вскоре он бесшумно возник у нее за спиной. Она с удивлением обнаружила, что он полностью обнажен. Кожа и волосы влажно поблескивали после душа, а на губах играла улыбка.

– Я скучал по тебе в Лондоне, Таша. Не люблю путешествовать без тебя.

Наташа знала, что Владимир говорит правду. Однако он не позвал ее с собой, и это означало, что беседы затянутся до поздней ночи. Она понятия не имела, с кем и зачем Владимир встречался, и не собиралась спрашивать об этом.

– Я тоже по тебе скучала, – тихо произнесла она.

Наташа уже успела снять босоножки и теперь лежала на кровати с разметавшимися по подушке волосами. Опустившись на кровать рядом с ней, Владимир стянул с ее плеч лямки комбинезона, а потом и вовсе снял его с нее, оставив лишь в крошечных атласных трусиках. Уткнувшись в шею Наташи, Владимир нежно зашептал ей что-то на ухо, а затем снял с нее трусики и отбросил в сторону. Он целый день ждал, чтобы вернуться к ней и найти спокойствие в таком знакомом сплетении тел. Во время занятий любовью своим рыком, сопровождающим чувство освобождения, Владимир всегда напоминал ей льва. Позднее, лежа в его объятиях, Наташа счастливо вздохнула и улыбнулась. Они никогда не разочаровывали друг друга и находили умиротворение в нежных объятиях в этом беспокойном мире.

Они вместе приняли душ, Наташа накинула белую шелковую тунику, и спустя час уже поднимались в расположенную на открытой палубе столовую, где их ждал ужин. Оба выглядели довольными и расслабленными. Уже пробило десять часов. Впрочем, оба любили ужинать поздно, когда телефон Владимира переставал звонить, а секретари в его офисах в Москве и Лондоне заканчивали работу и выключали свои компьютеры. Вечера и ночь полностью принадлежали им двоим, за исключением тех дней, когда они посещали увеселительные мероприятия. На них Владимир, как правило, общался с партнерами по бизнесу или людьми, от которых ему было что-то нужно.

– Почему бы нам не поужинать завтра в Сен-Поль-де-Ванс? – спросил Владимир, закуривая кубинскую сигару, пикантный аромат которых так любила Наташа.

– В «Золотой голубке»? – уточнила она.

Они не раз обедали в этом знаменитом ресторане, стены которого были украшены работами Пикассо, Леже, Колдера, расплачивавшимися своими картинами за еду. Убранство ресторана представляло собой настоящую усладу для глаз. А как приятно было смаковать чудесный обед в окружении произведений искусства, созданных людьми, забредавшими сюда задолго до того, как они стали знаменитыми.

– Хочу посетить заведение, о каком так много слышал в последнее время, – ответил Владимир, расслабленно попыхивая сигарой и любуясь вместе с Наташей россыпью звезд на бархатном небе. – «Да Лоренцо».

Этот ресторан также являлся излюбленным местом почитателей искусства. Правда, его стены украшали работы лишь одного-единственного художника – Лоренцо Луки. Ресторан этот открыла его вдова в доме, где они прожили всю жизнь, со временем превратив заведение в настоящую святыню. В комнатах, расположенных над рестораном, любили останавливаться коллекционеры, торговцы произведениями искусства и кураторы музеев. Он позволял погрузиться в атмосферу творчества известного художника. Владимир давно хотел посетить его, однако зарезервировать столик оказалось так сложно, что им с Наташей постоянно приходилось довольствоваться «Золотой голубкой».

– Один знакомый дилер из Лондона посоветовал позвонить напрямую мадам Луке и сослаться на него. Мой секретарь позвонил ей, и это сработало. На завтра у нас заказан столик. Не терпится наконец побывать там и увидеть все собственными глазами. – На лице Владимира отразилось довольство. Ведь хозяйка ресторана отличалась независимостью и не признавала никаких авторитетов.

– Мне тоже. Люблю его творчество. – Творчество Луки в чем-то напоминало стиль Пикассо, хотя и обладало собственной запоминающейся манерой.

– На рынке почти нет его картин. Все свои работы он оставил жене, а она наотрез отказывается продавать их, хотя время от времени и выставляет какую-нибудь на аукцион. Но я слышал, что и на это ее непросто уговорить. Лука творил не так плодотворно, как Пикассо, и что картин осталось не слишком много. Успех к нему пришел в преклонном возрасте, и теперь цены на его произведения стали поистине заоблачными. А все из-за упрямства вдовы, отказывающейся продавать наследие. Их можно сравнить с ценами на картины Пикассо. Последняя, проданная на аукционе «Кристис», принесла вдове баснословную прибыль.

– Значит, не будем покупать за ужином картины, – поддразнила Наташа, и Владимир рассмеялся.

А может, и купят? Владимир был совершенно непредсказуем, и никто не знал, где и когда он совершит покупку. А уж если он хотел чего-то, то со свойственной ему непреклонностью добивался желаемого.

– Это все равно что посетить музей. Лучшие из картин она хранит в студии покойного мужа. Я был бы не прочь заглянуть туда. Может, нам удастся очаровать ее, – улыбнулся Владимир. Оба с нетерпением ждали завтрашнего вечера.

После ужина они немного поболтали, пока телохранители стояли чуть поодаль, а стюарды и стюардессы подносили напитки. Наташа потягивала шампанское, любуясь звездами и наслаждаясь роскошью яхты. Море было спокойным, небо безмятежным, и поздно вечером они с Владимиром наконец сошли вниз. Владимир на некоторое время оставил Наташу, чтобы ответить в кабинете на важные письма. Он никогда не откладывал что-то на потом и не оставлял без внимания деловые звонки. Бизнес был для него превыше всего.

В глубине души Владимир по-прежнему испытывал страх, и Наташа прекрасно понимала его. Это чувство связывало их прочнее каких бы то ни было уз, но они никогда не говорили о нем вслух. Они с Владимиром не так уж отличались по своему происхождению. Прежде оба влачили почти нищенское существование, которое в итоге привело Владимира на вершину власти, а Наташу – в его объятия.

В возрасте трех лет Владимир стал свидетелем того, как алкоголизм свел в могилу его отца. Когда же ему стукнуло четырнадцать, мать Марина скончалась от туберкулеза и недоедания. Семилетняя сестра умерла от пневмонии, поскольку у них совсем не было денег на врачей и лекарства. Оказавшись на улице после смерти матери, Владимир стал выживать с помощью собственной смекалки и дал себе клятву непременно выбраться из нищеты и никогда

больше не быть бедным. В пятнадцать лет он стал выполнять мелкие поручения занимавшихся подозрительным бизнесом личностей. К восемнадцати годам задания становились сложнее и противозаконнее, но Владимир выполнял их все так же ловко и смело, как и прежде. Он был умен и бесстрашен, и в скором времени один из старших товарищей заметил его потенциал и сделал своим доверенным лицом. В двадцать один год Владимир ворочал такими деньгами, о каких даже не мечтал, а острое желание заработать еще больше все не ослабевало. К двадцати пяти годам он стал очень богатым человеком с широкими возможностями. К тридцати годам сколотил состояние в несколько миллионов, всю используя имевшиеся у него связи. Деятнадцатью годами позднее его уже ничто не могло остановить, и он готов был сделать все, переступить через кого угодно, чтобы никогда больше не возвращаться к бедности. Многие считали Владимира безжалостным. Но он хорошо знал, каково это – выживать в сложном и жестоком мире.

Наташа тоже испытывала липкий ужас при мысли о бедности. Мать-проститутка, родившая ее неизвестно от кого, отдала Наташу в детский дом. Девочку так никто и не удочерил, и она вынуждена была оставаться там до шестнадцати лет. После этого она три года работала на фабрике, живя в почти неотапливаемом общежитии без всякой надежды что-либо изменить. Она решительно отказывала мужчинам, готовым платить за секс, поскольку не хотела закончить как мать, которая, как поговаривали, умерла от алкоголизма вскоре после того, как бросила дочь.

Владимир увидел Наташу, семенящую в тоненьком пальто по заснеженной московской улице, и был сражен ее красотой. Он предложил подвезти ее и почувствовал себя уязвленным, когда она отказалась. Владимир преследовал Наташу несколько месяцев, присылал теплую одежду и продукты, которые она возвращала нераспакованными. И вот наконец через год после того, как Владимир впервые увидел ее, умирающая от пневмонии Наташа согласилась поехать к нему домой, где он собственноручно выходил ее и поставил на ноги. Что-то в ней напоминало ему его собственную мать. Владимир спас ее не только от смерти, но и от ужасного беспросветного существования.

Они с Владимиром никогда не говорили о прошлом, но более всего на свете Наташа боялась, что однажды снова станет бедной и одинокой и в конце концов умрет. Она всегда помнила о том, что Владимир ее спаситель, и продолжал им оставаться. Ей до сих пор снились кошмары, в которых она видела детский дом, фабрику, общежитие и женщин, кого свела в могилу полная лишений жизнь.

Во многих отношениях они с Владимиром были прекрасной парой. Оба вышли из низов, достигли успеха, хотя и разными путями. Они глубоко уважали друг друга и друг в друге нуждались, хотя никогда не признали бы этого вслух. Они не забывали о своем прошлом. Владимира всю жизнь преследовал страх нищеты, но преодолел он его только сейчас. И все же он не переставал оглядываться через плечо, желая убедиться, что перспектива нищеты ему больше не грозит. Неважно, сколько миллиардов лежало у него на счетах, ему и этого было мало, и он собирался сделать все от него зависящее, чтобы никогда больше не испытывать ужаса перед бедностью. Наташа отделалась от своего страха как-то легко и неожиданно, но все семь лет жизни с Владимиром помнила, откуда вышла, как беспросветна была ее прежняя жизнь и кого она должна благодарить за спасение. Неважно, как они с Владимиром жили сейчас, но оба знали, что липкий ужас прошлого всегда будет частью их души. Ведь преследовавшие их призраки никуда не делись и порой напоминали о своем существовании.

Наташа заснула, поджидая Владимира. Так случалось довольно часто. Он разбудил ее, вернувшись в спальню, и вновь занимался с ней любовью. Он был спасителем, освободившим Наташу от ее собственных демонов, и, несмотря на его жестокость по отношению к другим, она знала, что рядом с ним ей ничто не угрожает.

Глава 2

В свои шестьдесят три года Мейлис Лука все еще была весьма привлекательной женщиной. Ее волосы, поседевшие, когда ей исполнилось двадцать пять лет, серебристой копной рассыпались по плечам. Правда, по вечерам, работая в ресторане, она заплетала их в косу или собирала в пучок на затылке. Мейлис обладала выразительными васильковыми глазами и слегка полноватой округлой фигурой, сделавшей ее прекрасной моделью для художника, когда она приехала в Сен-Поль-де-Ванс из Бретани на лето в возрасте двадцати лет. Она примкнула к группе художников, восхищавшихся ее внешними данными и с радостью приютившими ее, к ужасу консервативных родителей. Мейлис бросила учебу в университете и осталась на зиму в Сен-Поль-де-Ванс, где с первого взгляда безумно влюбилась в Лоренцо Луку.

Целый год Мейлис работала моделью у различных художников и лишь позднее стала любовницей Лоренцо. Ему стукнуло шестьдесят лет, и он называл двадцатидвухлетнюю Мейлис своим маленьким весенним цветком. С этого момента она позировала только ему и именно ее можно было лицезреть на его лучших полотнах. В то время у Лоренцо совсем не было денег. Семья Мейлис пребывала в шоке от избранного ею пути и оплакивала жизнь дочери и утраченные перспективы. Они сочли ее пропащей душой на пути в ад, и Мейлис отчаянно голодала вместе с Лоренцо, живя лишь на хлебе, сыре и яблоках, в крошечной комнатке над его студией, проводя время с друзьями, часами наблюдая за тем, как он работает, или позируя для него. Мейлис ни разу не пожалела о своем решении остаться и никогда не питала надежд выйти за Лоренцо замуж. Он был честен с ней с самого начала и сообщил, что женился на одной девушке в Италии в возрасте двадцати лет. К тому времени не виделся с нею уже сорок лет. Совместных детей они не завели, прожив вместе лишь год. Однако Лоренцо оставался официально женатым человеком, поскольку считал развод делом хлопотным и затратным.

К моменту встречи с Мейлис он пережил разрывы с четырьмя любовницами, от которых имел в общей сложности семерых детей. Лоренцо любил их, однако не испытывал угрызений совести, чистосердечно заявляя, что живет ради искусства и не желает тратить время на что-либо другое. Он был неистово предан своему делу. Лоренцо признал детей, но не попытался оформить это официально. Он никогда не помогал им, да и не видел причин делать это. Когда они были маленькими, у него совсем не было денег, и их матери не требовали от него ничего, прекрасно зная, что взять с него нечего. К тому времени как Лоренцо встретил Мейлис, все его дети стали взрослыми. Они навещали его, но считали скорее другом, нежели отцом. Никто из них не стал художником. Они не унаследовали таланта отца и совсем не были на него похожи. Мейлис хорошо к ним относилась, несмотря на то что все они были старше ее. И кто-то уже успел обзавестись семьей и детьми.

Мейлис не стремилась стать матерью, она хотела находиться рядом с Лоренцо, не испытывавшим желания жениться повторно и снова стать отцом. Лоренцо обращался с любовницей как с ребенком, а она была счастлива изучать искусство с помощью любимого, хотя ценила лишь его творчество. Лоренцо невероятно привлекало лицо и тело Мейлис, и на заре своих отношений с ней он рисовал ее в разнообразных позах и написал несколько весьма удачных портретов.

Лоренцо отличался непостоянной и изменчивой натурой. Находиться рядом с ним было чудесно и вместе с тем невероятно трудно. Он обладал темпераментом истинного художника и гения, каким считала его Мейлис. И была невероятно с ним счастлива, вела беззаботную жизнь в Сен-Поль-де-Ванс, чем шокировала своих родителей, равно как и своим избранником, которого те считали неподходящим для дочери. Современники Лоренцо глубоко уважали и ценили его талант. Однако в мире искусства его по-прежнему не знали, да он и не стремился к этому. Ему всегда удавалось наскрести немного денег на пропитание. Когда же становилось

совсем туго, занимал денег у друзей, или Мейлис устраивалась официанткой в местный ресторан на несколько вечеров в неделю. Для них обоих деньги не имели такого значения, как талант Лоренцо и их совместная жизнь. Хотя с Лоренцо было совсем непросто. Порой он горячился, а его настроение постоянно менялось. В начале своих отношений Лоренцо и Мейлис бурно ссорились, а потом страстно мирились в спальне над студией. Мейлис никогда не сомневалась в том, что Лоренцо любит ее так же сильно, как и она его. Он стал любовью всей ее жизни, а она – его музой.

С возрастом Лоренцо становился все более сварливым и часто ссорился с друзьями. Особенно когда считал, что они предали талант ради денег. Сам же он не продавал своих картин, зато готов был с радостью подарить кому-нибудь одну из них.

Именно по этой причине Лоренцо враждебно воспринял появление в доме молодого торговца произведениями искусства из Парижа. Этот арт-дилер приезжал в Сен-Поль-де-Ванс несколько раз, прежде чем Лоренцо согласился принять его. Габриэль Ферран видел картины Лоренцо и сразу понял, что перед ним творения настоящего гения. Он умолял Лоренцо позволить ему устроить выставку в Париже, но тот категорически отказался. Друзья попытались уговорить Лоренцо, поскольку Ферран обладал безупречной репутацией, однако старик возразил, что ему неинтересна выставка, устраиваемая «жадным до денег жуликом из Парижа». Габриэлю потребовалось целых три года, чтобы Лоренцо выставил хотя бы одну картину, которую он сразу продал за весьма солидную сумму. Правда, Лоренцо продолжал утверждать, что материальная сторона дела не имеет для него никакого значения.

Немаловажную роль во всей этой истории сыграла Мейлис. Именно она убедила возлюбленного в необходимости время от времени выставлять свои работы, что принесло им обоим немалую прибыль, хотя Лоренцо называл Габриэля жуликом, чем несказанно веселил его. Ведь Габриэль неожиданно для себя полюбил этого несдержанного, тяжелого в общении гения. Переговоры с Лоренцо он вел в основном через Мейлис, и вскоре они стали настоящими друзьями, однако скрывали это ради спокойствия художника. К тому времени Мейлис жила с Лоренцо уже десять лет. Старик перевалило за семьдесят, а его счет в банке значительно увеличился, хотя он не желал даже слышать об этом. Лоренцо повторял, что не намерен торговать своим искусством или потворствовать «корыстным намерениям» Габриэля, предоставив Мейлис и арт-дилеру возможность распоряжаться деньгами по своему разумению. Лоренцо не стал баснословно богатым, но и нуждающимся его тоже нельзя было назвать. Ничто не изменилось в его жизни, и Мейлис, чтобы не расстраивать любимого, продолжала позировать для него и по-прежнему работала официанткой несколько вечеров в неделю. Лоренцо наотрез отказался устраивать свою выставку в галерее Габриэля в Париже, поэтому тот постепенно продавал то, что у него было. Иногда Лоренцо вообще не присылал ему картин. Решение зависело от его настроения, и старик наслаждался своими странными, замешанными на любви и ненависти отношениями с молодым галеристом, чьей единственной целью было добиться признания невероятного таланта своенравного художника. Мейлис же прилагала силы к тому, чтобы сгладить острые углы в отношениях между двумя мужчинами и при этом не расстроить возлюбленного. Все свои картины Лоренцо отдавал Мейлис, которая со временем стала обладательницей внушительной коллекции. Однако и она отказывалась продавать картины, поскольку с невероятным трепетом относилась к творениям любовника. Продавать картины Лоренцо было непросто, но Габриэль оставался верен своей цели, не сомневаясь, что однажды Лоренцо станет значимой фигурой в мире искусства, и часто навещался в Сен-Поль-де-Ванс, чтобы полюбоваться новым творением старика или поболтать с Мейлис, которую обожал. Более того – он считал ее самой выдающейся женщиной из тех, что когда-либо встречались ему на пути.

В Париже у Габриэля жили жена и дочь. Однако через пять лет после знакомства с Лоренцо он стал вдовцом – жена скончалась от рака. После этого он часто привозил с собой маленькую дочь Мари-Клод, и Мейлис играла с ней, пока мужчины беседовали. Ей было жаль

эту милую малышку, оставшуюся без матери. Габриэль обожал дочь и был для нее хорошим отцом. Он повсюду брал ее с собой, и девочка многое узнавала из этих путешествий.

Лоренцо же дети совершенно не интересовали. Ни чужие, ни собственные. А еще он по-прежнему не желал иметь детей от Мейлис, несмотря на ее молодость и красоту. Лоренцо хотел, чтобы она принадлежала ему одному, и Мейлис щедро одаривала его своим вниманием, заботой и любовью. Известие о неожиданной беременности стало шоком для обоих. Они прожили вместе двенадцать лет и ничего подобного никогда не планировали. Мейлис исполнилось тридцать два года, Лоренцо семьдесят два, и он был настроен на работу. Лоренцо злился на Мейлис несколько недель и наконец нехотя согласился с ее желанием оставить ребенка, хотя перспектива стать отцом его не радовала. Мейлис тоже не сразу приняла собственную беременность. Но по мере того как ее живот увеличивался, она вдруг осознала, насколько для нее важно родить любимому ребенку. Стать мужем и женой они, естественно, не могли, поскольку Лоренцо был женат. Кузены, проживающие в его родном городе, раз в несколько лет сообщали ему, что жена жива, хотя Лоренцо совершенно не интересовался этим.

Беременность становилась все заметнее, и Лоренцо рисовал Мейлис постоянно, внезапно заново влюбившись в ее меняющееся тело. Габриэль был полностью согласен с тем, что портреты Мейлис, носившей под сердцем ребенка, стали лучшими творениями Лоренцо Луки. А еще он считал, что еще никогда Мейлис не была так красива, как теперь. Грядущее материнство делало ее счастливой, и вот однажды, когда Лоренцо ужинал с друзьями в своей студии, на свет появился их сын. Мейлис готовила еду, в то время как мужчины пили вино. Она никому ничего не сказала, хотя почувствовала схватки еще перед ужином, а потом поднялась наверх и вызвала врача. Лоренцо с друзьями даже не заметили его приезда. А врач поднялся в спальню, где быстро и легко Мейлис разрешилась от бремени. Через два часа она появилась на лестнице с торжествующей улыбкой и завернутым в одеяльце младенцем в руках. Нетвердо переставляя ноги, Лоренцо поднялся по ступеням, чтобы поцеловать жену, и полюбил собственного сына всем сердцем, едва только взглянул на него.

Они назвали малыша Теофилом в честь деда Мейлис. И Тео, как они называли его между собой, стал настоящей отрадой для стареющего отца.

Самыми красивыми работами Лоренцо были портреты Мейлис, державшей на руках младенца. Кроме того, Лоренцо постоянно рисовал подрастающего сына. Из всех его детей только Тео унаследовал талант художника. Он начал рисовать рядом с отцом с того самого момента, как научился держать карандаш в своих неловких пухлых ручонках. Это придало работам Лоренцо новый смысл, и он принялся учить сынишку всему, что знал сам. Лоренцо было уже восемьдесят три года, когда Тео исполнилось десять лет. Было очевидно, что он так же талантлив, как отец, хотя его манера письма заметно отличалась. Эти двое могли часами рисовать бок о бок, и Мейлис любовалась ими. Тео стал их настоящей любовью.

К тому времени Габриэль уговорил Лоренцо купить приличный дом в Сен-Поль-де-Ванс, но старик по-прежнему творил в своей студии, где Тео присоединялся к нему каждый день после уроков в школе. Мейлис приходилось практически вытаскивать их оттуда по вечерам. Она очень волновалась за Лоренцо, отличавшегося отменным здоровьем и работавшего так же интенсивно, как и прежде, однако слабевшего день ото дня. Всю зиму его душил кашель, он забывал съесть то, что оставляла ему в студии Мейлис, но так же страстно отдавался работе и продолжал обучать Тео, стараясь как можно продуктивнее использовать отведенное ему время на земле.

Мейлис ужасно удивилась, когда, получив известие о смерти жены, Лоренцо настоял на венчании в церкви. И даже пригласил Габриэля в качестве свидетеля. Лоренцо сказал, что хочет сделать это ради Тео. Они поженились, когда их сыну исполнилось десять лет.

Габриэлю удалось уговорить старика сделать еще один важный шаг. Лоренцо, как и прежде, не проявлял интереса к выставке своих работ в галерее в Париже, но Габриэль хотел

продать одну из его картин на весьма значимом аукционе, чтобы установить реальную цену на произведения Лоренцо на открытом рынке. И снова Лоренцо ожесточенно спорил с ним до тех пор, пока Габриэль не сказал, что делает это для Тео. Ведь финансовая стабильность мальчику совсем не помешает. В конце концов Лоренцо нехотя согласился. Это решение изменило жизнь всех участников событий. Картина была продана на аукционе «Кристис» за баснословную сумму. В одночасье Лоренцо заработал больше, чем за всю свою жизнь. Такого успеха он не ожидал, утверждая, будто картина даже не самая лучшая из его работ. Ведь именно поэтому он согласился расстаться с ней.

Полученная прибыль ошеломила и самого Габриэля. Он надеялся поднять цены на произведения Лоренцо постепенно и не предполагал, что это случится за один вечер. То, что произошло позднее, просто не поддавалось осмыслению. Восемь лет картины Лоренцо, – если, конечно, он соглашался продать их, – уходили с молотка за астрономические суммы. За ними гонялись многочисленные коллекционеры и крупные музеи мира. Будь Лоренцо жаден до денег, он сколотил бы огромное состояние. И, как выяснилось впоследствии, все же сделал это, вопреки собственному желанию. Их с Мейлис отказ продавать картины лишь поднял цену на них. В общем, в возрасте девяносто одного года Лоренцо скончался очень богатым человеком. Тео исполнилось восемнадцать лет, и он второй год учился в школе изящных искусств в Париже, куда поступил по настоянию отца.

Смерть Лоренцо явилась ударом для всех, особенно для Мейлис и Тео. Габриэль тоже не остался безучастным. За двадцать лет знакомства он искренне полюбил старика, вел его дела и считал близким другом, несмотря на дурную привычку Лоренцо награждать его нелестными эпитетами, которую сохранил до самой смерти. Эти добродушные перепалки полюбились им с самого начала и доставляли удовольствие обоим. Габриэль давно выстроил свою карьеру, и теперь она работала на него. Он мог помогать Мейлис и Тео, решая их проблемы. До конца своих дней Лоренцо отличался прекрасным здоровьем и в последние годы работал напряженнее, чем обычно, словно понимал, что ему остается не так много времени. Он оставил жене и сыну внушительных размеров состояние, включающее обширную коллекцию картин и прибыль, полученную от инвестиций Габриэля. Мейлис с недоверием отнеслась к известию о размерах своего наследства. Ей никогда и в голову не приходило, в какие суммы оценивался талант ее мужа. Она просто страстно любила этого мужчину тридцать лет.

Несмотря на советы Габриэля, Лоренцо умер, так и не оставив завещания. По французским законам две трети состояния отходили его единственному законному ребенку Тео, а оставшаяся треть – жене. Мейлис в одночасье превратилась в очень богатую женщину, учитывая внушительную коллекцию картин Лоренцо, подаренных ей в течение всей его жизни. Остальные картины унаследовал Тео вместе с двумя третями состояния и прибылью, полученной от инвестиций Габриэля, совершаемых им от имени Лоренцо. Другие же семеро детей художника не получили ничего. Обсудив все с Габриэлем, Мейлис поделила доходы от инвестиций на две равные части и одну из частей поровну разделила между детьми Лоренцо, удивленными подобной щедростью и выразившими свою благодарность. Поступок Мейлис удивил даже Габриэля, но вдова объяснила, что у нее достаточно денег, к тому же дети Лоренцо нуждаются в средствах больше, чем она. Они же с сыном обеспечены на всю оставшуюся жизнь. Тео даже в большей степени.

Тео продолжал учиться в школе изящных искусств еще два года после смерти отца, а затем вернулся в Сен-Поль-де-Ванс, где купил небольшой домик с просторной светлой студией. Мейлис переехала в старую студию Лоренцо и жила в маленькой комнатке над ней, где появился на свет их сын. С тех самых пор дом, который Лоренцо купил по совету Габриэля, пустовал. Мейлис сказала, что ей невыносимо жить там без Лоренцо. А в студии она чувствовала его присутствие. Габриэль считал, что в студии жить не слишком полезно для здоровья, однако переубедить Мейлис не удалось.

Через два года после смерти мужа она все еще горевала и отказывалась покидать студию. Габриэль навещал ее раз в несколько недель. В то время ей было пятьдесят три года, но она хотела лишь одного – стоять у картин Лоренцо и с печалью в сердце рассматривать каждую, вспоминая обстоятельства ее создания. Особенно дороги Мейлис были те картины, на которых она была изображена молодой или беременной. Тео удручало депрессивное настроение матери, и он часто делился своим беспокойством с Габриэлем. Давний друг семьи был для него как отец.

После смерти Лоренцо минуло пять лет. Глубокая рана в сердце Мейлис понемногу затягивалась, и она снова начала жить. У нее возникла безумная идея, которая на деле оказалась не такой уж странной. В молодости Мейлис нравилось работать в ресторане, поэтому она решила превратить купленный Лоренцо дом в ресторан, где бы она смогла выставлать его работы. С момента его смерти она продала лишь одну картину, а остальные предложения о покупке категорически отвергала. Габриэль тоже не получил позволения выставить хотя бы одну из картин на аукционе. Мейлис не нуждалась в деньгах и не желала расставаться с произведениями мужа. У Тео тоже не имелось причин на то, чтобы продавать принадлежащие ему картины, так что работы Лоренцо на время пропали с рынка предметов искусства, однако их стоимость повышалась год от года. Из-за отказа вдовы продавать картины цена на них росла в геометрической прогрессии, хотя она вовсе не преследовала подобной цели. Однако ее привлекала идея выставить их в ресторане, который некогда служил им с Лоренцо домом, а теперь превратился в своего рода музей. К тому же над рестораном располагалось целых шесть спален, и Мейлис могла при желании сдавать их представителям мира искусства.

Тео считал мать сумасшедшей, когда она рассказала ему о своих намерениях, но Габриэль убедил парня в том, что это поможет Мейлис вернуться к активной жизни. Ей исполнилось пятьдесят шесть лет, и она не могла оплакивать Лоренцо вечно.

Открытие ресторана действовало на Мейлис именно так, как и надеялся Габриэль. У нее появился стимул жить. Потребовался целый год на то, чтобы переделать дом с учетом его новых функций. Была построена новая просторная кухня и разбит красивый сад, где летом посетители могли бы обедать. Мейлис наняла лучшего шеф-повара из Парижа, хотя ненавидела этот город не меньше мужа. Она отказывалась его посещать, поэтому все претенденты на место шеф-повара приезжали на собеседование к ней в Сен-Поль-де-Ванс. Мейлис не была в Париже почти тридцать лет и ни разу не видела галерею Габриэля. Она счастливо жила в Сен-Поль-де-Ванс, а Габриэль во время своих частых визитов занимал одну из спален над рестораном, который Мейлис назвала «Да Лоренцо» в честь единственного мужчины, которого любила всю жизнь.

В первый же год после открытия ресторан ждал большой успех. Желающие посетить его бронировали столики за три месяца. Искушенные любители живописи приезжали со всех уголков мира, мечтая полюбоваться работами Лоренцо и насладиться первоклассной едой, сравниться с которой мог лишь ресторан «Золотая голубка». Мейлис наняла профессионального метрдотеля, обслуживающего зал и сад, и высококвалифицированного сомелье, с помощью которого наполнила свой погреб редкими сортами вин. И вскоре «Да Лоренцо» стал лучшим рестораном юга Франции, облюбованным почитателями живописи и изысканной кухни. Царствовала здесь Мейлис. Она рассказывала посетителям о Лоренцо и зачастую самолично обслуживала клиентов, как когда-то друзей своего мужа. Все держалось на ней, самой обворожительной хозяйке ресторана в этом районе побережья. Никто не подозревал, что Мейлис обладает такими талантами, и Габриэль часто повторял, как гордится ею. Они всегда были добрыми друзьями и сблизились еще больше после смерти Лоренцо. Он продолжал давать Мейлис советы и очень помог в обустройстве ресторана.

Через пару лет после открытия «Да Лоренцо» Габриэль набрался смелости, чтобы рассказать Мейлис о своих чувствах, которые питал к ней все эти годы. Он все чаще оставался

в Сен-Поль-де-Ванс, проводя целые недели в комнате над рестораном. Предполагалось, что Габриэль помогает вдове друга советами, но правда состояла в том, что он просто хотел находиться с нею рядом.

У него была возможность надолго покинуть Париж, поскольку галереей заправляла теперь его повзрослевшая дочь Мари-Клод. Она прекрасно справлялась с задачей, хотя и жаловалась на длительное отсутствие отца, переложившего ответственность на ее плечи. Впрочем, она наслаждалась своей работой и даже представила посетителям двух новых художников, работы которых стали активно продаваться на рынке. Как и отцу, Мари-Клод нравилось открывать новые таланты и продвигать их творения. Она обладала отличным чутьем в том, что касалось спроса на произведения искусства, и отец заслуженно ею гордился.

В один из тихих вечеров после закрытия ресторана Габриэль признался Мейлис в своих чувствах. Он влюбился в нее с того самого момента, как они впервые встретились, и лишь глубокое уважение к покойному другу удерживало его от признания. Но теперь, когда ее жизнь набирала новые обороты, а ресторан обрел успех, Габриэль считал, что пришло время открыться. Сейчас или никогда, решил он, хотя и страшился разрушить дружбу, длившуюся почти тридцать лет.

Признание Габриэля ошеломило Мейлис, и она на следующий же день рассказала об этом сыну. Тео знал, как сильно родители любили друг друга и каким талантом обладал его отец. Однако он прекрасно понимал, что тот вовсе не был святым, портрет которого нарисовала после смерти его жена. Под старость Лоренцо не раз обращался с нею дурно. Но Мейлис посвятила ему жизнь и прощала его недостатки. Тео же обладал более реалистичным взглядом на вещи и считал отца раздражительным, вздорным и эгоистичным тираном. К сожалению, с возрастом эти неприятные качества его характера усугубились. Габриэль же проявлял мягкость по отношению к Мейлис, заботился о ней и ставил на первое место ее интересы в отличие от Лоренцо. Тео давно уже догадался, что Габриэль влюблен в мать, и надеялся, что его догадка верна. Он всегда считал друга семьи прекрасным человеком и поэтому уговорил мать принять его чувства всерьез. Тео не мог представить рядом с ней иного партнера и не хотел, чтобы она провела остаток жизни в одиночестве.

– Но что бы сказал на это твой отец? Разве это не предательство? Ведь они были друзьями. Несмотря на то, что отец порой бывал с ним нелюбезен.

– Нелюбезен? – со смехом переспросил Тео. – Сколько себя помню, он называл его не иначе как жуликом. «Мой жуликоватый арт-дилер из Парижа». Не знаю, кто еще кроме тебя мог бы с ним ужиться. Габриэль нам помогал. Он и сейчас здесь, с тобой, мама. И если он всегда любил тебя, то его молчание, пока папа был жив, делает ему честь. Габриэль был для вас настоящим другом. И если ты ответишь сейчас на его чувства, это будет не предательством, а благословением для вас обоих. Ты не должна жить в одиночестве. Габриэль славный человек, и я очень рад за тебя. Ты заслуживаешь счастья, как и он.

Тео знал, что матери будет проще с Габриэлем – истинным джентльменом. Радовался, что тот наконец рассказал матери о своих чувствах, и молодому человеку оставалось лишь надеяться, что она отнесется к признанию серьезно. И Мейлис действительно восприняла слова Габриэля по достоинству.

Она дала ему ответ через несколько дней, но подчеркнула, что никого не станет любить сильнее, чем Лоренцо. Ей очень нравился Габриэль. Мейлис призналась, что искренне любит его как друга, и возможно, ее чувства со временем перерастут в нечто более серьезное. Однако предупредила, что, если между ними возникнет романтическая связь, чего она не исключала, Лоренцо навсегда останется ее первой и единственной любовью. В этом случае Габриэлю придется довольствоваться ролью второй скрипки.

Но любовь Габриэля оказалась столь сильна, что на первых порах он согласился и на это, втайне надеясь, что однажды Мейлис все же откроет для него свое сердце. Он чувствовал, что

подобное возможно, и был готов рискнуть. Габриэль не форсировал события, нежно и романтично ухаживая за любимой. Наконец он пригласил Мейлис на уик-энд в Венецию, где они стали любовниками. Поначалу они не афишировали своих отношений. Габриэль по-прежнему занимал комнату над рестораном и хранил там свои вещи. Однако на протяжении последних нескольких лет ночевал в студии вместе с Мейлис. Они путешествовали, наслаждаясь обществом друг друга, и Мейлис признавалась Габриэлю в любви. Но она, как и прежде, восхищалась Лоренцо, превознося его талант и в большинстве своем выдуманные добродетели. Габриэль же молча соглашался, не желая развеивать иллюзий любимой.

Они были любовниками уже четыре года, и Габриэля устраивали такие отношения без любви со стороны Мейлис. Он не пытался сделать ей предложение и не требовал больше, чем она могла ему дать. Тео же часто бранил мать за то, что та много говорит о Лоренцо в присутствии Габриэля.

– Почему? – спросила Мейлис, с удивлением глядя на сына. – Габриэль тоже любил твоего отца. Он знает, что Лоренцо был великим человеком и значил для меня очень много. Габриэль не ждет, что я забуду своего мужа или перестану рассказывать о нем посетителям, приходящим в ресторан полюбоваться его работами. Ведь они являются в «Да Лоренцо» ради этого.

– Но Габриэль приезжает, потому что любит тебя, – мягко возразил Тео.

Он удивлялся терпению Габриэля и его способности оставаться для Мейлис на второстепенных ролях и играть вторую скрипку при мужчине, скончавшемся двенадцать лет назад и ставшем для своей вдовы поистине святым. Несмотря на любовь к отцу и восхищение его талантом, Тео считал, что Габриэль гораздо лучше Лоренцо. Ведь он относился к его матери гораздо нежнее и уважительнее, чем отец в последние годы своей жизни. Лоренцо был выдающимся художником, но очень сложным человеком. Люди, знавшие его в молодости, утверждали, что ужиться с ним и тогда было непросто. А талант, бушевавший в душе Лоренцо, подобно пожару, зачастую пугал самых близких, беззаветно любящих его людей.

Габриэль всегда проявлял неподдельный интерес и к творчеству Тео. Он не предлагал выставить его работы, полагая, что молодой человек должен создать свою галерею, а не жить в тени отца. Тео вырос талантливым художником, хотя и с отличным от отца мировосприятием, и Габриэль не сомневался, что через несколько лет он станет так же знаменит, как и Лоренцо.

В свои тридцать лет Тео твердо стоял на ногах и серьезно относился к работе. Отвлечь его могли лишь нечастые просьбы матери помочь в ресторане. Такое случалось, если что-нибудь выходило из строя или они не могли справиться с наплывом посетителей. Однако в отличие от матери Тео не получал удовольствия от работы в ресторане. Он ненавидел встречать гостей у порога и слушать, как мать превозносит добродетели отца. Тео наслушался этих рассказов при его жизни и еще больше после смерти. Теперь же ему хотелось закричать. А еще молодого человека раздражала царившая в ресторане суматоха. Он не любил общения и шумных сборищ.

Габриэль продиктовал Тео имена нескольких галеристов, но тот со свойственной ему скромностью заметил, что пока не готов выставляться в Париже и хочет поработать еще год. Габриэль же настаивал, чтобы устроить полноценную выставку. Он всегда поддерживал молодого человека, и тот мог на него положиться или попросить о помощи. Тео редко общался с ним, но был очень рад, что Габриэль нашел свое место рядом с его матерью. Тео надеялся, что Габриэль с Мейлис когда-нибудь поженятся, если она будет готова двигаться вперед, чего, очевидно, пока не случилось.

Женитьба не входила в планы и самого Тео. Его отношения с девушками длились по несколько месяцев, а иногда и меньше. Он был слишком увлечен работой, чтобы тратить силы на подруг, которые находились рядом с ним. Те жаловались на отсутствие внимания и наконец уходили. А еще Тео опасался охотниц за наследством, кого интересовали лишь деньги его отца. Таких он старался избегать. Со своей нынешней подругой Хлоей он встречался уже полгода.

Она тоже рисовала, но не так серьезно, как Тео. Свои работы продавала туристам в галерее Сан-Тропе. Ей было далеко до Тео с его происхождением, дипломом школы изящных искусств, врожденным талантом и амбициями. Хлоя хотела лишь одного – заработать достаточно денег, чтобы платить за квартиру. К тому же в последнее время она постоянно жаловалась, что Тео уделяет ей мало времени и никуда ее не водит. Именно так заканчивались его отношения, и эти, судя по всему, тоже завершались. Хлоя достигла знакомой фазы постоянных жалоб. Тео же работал напряженно как никогда. Он развивал новую технику письма и желал отточить ее до совершенства. Он не любил Хлою, но она обладала прекрасным телом, и они хорошо проводили время в постели. Только Хлоя вдруг начала рассуждать о замужестве, и ее слова звучали для Тео подобно похоронному звону. Он не был готов остепениться и обзавестись детьми. А еще Хлоя резко отзывалась о его работе. Только вот в битве между живописью и женщинами неизбежно побеждала живопись.

Мейлис обходила столики в саду, как делала это каждый вечер. Она проверяла, чтобы на каждом стояли цветы и свечи, скатерти были белоснежными, а серебро блестело. Мейлис установила у себя в ресторане железную дисциплину. За шесть лет его существования она научилась очень многому. И теперь ничто в убранстве «Да Лоренцо» нельзя было назвать прозаичным или скучным. Территория сада поражала изысканностью, равно как и подаваемые гостям блюда и вина. К Мейлис подошел один из официантов. Были забронированы все до единого столики, а ресторан открывался для посетителей через два часа.

– Мадам Лука, вам звонит Жан-Пьер. – Метрдотель никогда не опаздывал на работу, так что телефонный звонок от него не предвещал ничего хорошего.

– Все в порядке? – поинтересовалась Мейлис, все еще в джинсах и белой рубашке.

Она собиралась переодеться через час. Для встречи гостей Мейлис обычно надевала черное шелковое платье и туфли на высоких каблуках. Шею украшала ниткой жемчуга, а роскошные седые волосы собирала в пучок на затылке. В свои шестьдесят три года Мейлис все еще была весьма привлекательной.

– Боюсь, что нет. – Голос Жан-Пьера звучал непривычно глухо. – После сегодняшнего ленча чувствую себя ужасно. Думаю, виной всему не совсем свежие мидии.

– Проклятие, – пробормотала Мейлис, бросая взгляд на часы. У нее было время позвонить Тео, хотя она знала, как он ненавидит подобные звонки. Но ведь это семейный ресторан, и если она сама или метрдотель не могли принять гостей, Мейлис звонила сыну, и тот не отказывал ей в помощи.

– Я болен и не смогу приехать. – Судя по голосу, Жан-Пьер не лгал. К тому же прежде он не отпрашивался с работы, если не был по-настоящему болен.

– Не беспокойтесь, я позвоню Тео. Уверена, сегодня вечером он свободен. – Тео всегда сидел в своей студии. Он не слишком любил общество и по ночам, как правило, работал.

Жан-Пьер извинился, а Мейлис сразу набрала номер сына. Она ждала довольно долго, и наконец он ответил. Его голос звучал отрешенно. Тео вообще не хотел брать трубку, пока не увидел, кто звонит.

– Алло, мама? Что случилось? – Прищурившись, он посмотрел на холст, не зная, нравится ли ему творение собственных рук или нет. Тео очень критично относился к своей работе. Совсем как отец.

– Жан-Пьер заболел. Сможешь меня выручить?

– Вообще-то, я работаю, и мне не хотелось бы прерываться. К тому же я обещал поужинать сегодня с Хлоей.

– Накормим ее здесь, если она готова немного подождать.

Тео знал, что это означает. Поесть они смогут лишь ближе к полуночи, после того, как уйдут последние посетители. А до тех пор у него не будет ни минуты, чтобы посидеть с Хлоей.

Ему придется следить за работой официантов и обслуживать наиболее важных посетителей. Мать будет суетиться у столиков лишь самых известных гостей. Но и он не останется в стороне. Только вот Тео никогда не признавался в том, что он сын Лоренцо Луки. Помогая в ресторане, он предпочитал хранить свое имя в тайне, и мать не возражала, хотя считала, что сын должен гордиться происхождением. По просьбе Тео она не говорила никому из посетителей, что он ее сын, и была благодарна ему за помощь. Тео был внимателен и терпелив по отношению к ней и никогда не отказывался приехать, если она звонила с подобной просьбой. Тео считал это своей обязанностью. Ведь он был единственным сыном и очень любил мать, несмотря на ее причуды. Они прекрасно ладили, хотя Мейлис волновалась из-за того, что Тео все еще один. К тому же ей не нравились его подруги.

– Как скоро я должен приехать?

Тео явно не испытывал энтузиазма при мысли о работе в ресторане. Он уважал мать за то, что она добилась успеха, и искренне восхищался ею, однако ненавидел помогать ей в «Да Лоренцо». К тому же ему не хотелось надевать костюм и галстук в такую жару и мило улыбаться людям, которых он никогда больше не увидит. Мать была гораздо более общительна и обожала шумные сборища. Ресторан компенсировал ей отсутствие друзей и давал возможность знакомиться с интересными людьми.

– Приезжай к половине восьмого. Первые посетители придут в восемь, – ответила Мейлис.

Иногда столики бронировали американцы, которым хотелось поесть пораньше. Но сегодня таких не оказалось. Все гости были европейцами, кроме Владимира Станисласа – самого важного гостя, еще ни разу не посещавшего ресторан прежде. Мейлис хотела, чтобы ужин прошел идеально, особенно для него. Она слышала об обширной коллекции предметов искусства, принадлежавшей Станисласу, и надеялась, что он заинтересуется работами Лоренцо, ради которых, скорее всего, сюда и приехал. Он забронировал столик на двоих через постоянного клиента «Да Лоренцо».

– Хлоя меня убьет, – произнес Тео, размышляя над тем, как объяснить ситуацию подруге. Лучше всего, наверное, сказать правду о том, что матери требуется помощь в ресторане. Только вот Хлоя наверняка сочтет это отговоркой.

– Можешь отвести ее на ужин завтра, – жизнерадостно посоветовала Мейлис.

– Вряд ли. Я хочу поработать. – У Тео возникли сложности с картиной, над которой он сейчас трудился, и ему не хотелось тратить впустую два вечера. В этом они с отцом были схожи. В мире Лоренцо тоже не существовало ничего, кроме полотна, над каким он работал. – Ладно, не бери в голову. Я с этим разберусь. Жди меня к половине восьмого. – Тео еще ни разу не подводил мать.

– Спасибо, дорогой. Если приедешь в семь, поешь с официантами. У них сегодня буйабес¹ с острым соусом. – Мейлис знала, что сын любит это блюдо. Несмотря на то что он мог заказать в ресторане все, что угодно, Тео никогда не пользовался статусом хозяйского сына. Он предпочитал есть вместе с остальными и был весьма непритворлив, как и отец.

Тео позвонил Хлое сразу после разговора с матерью и сообщил ей новость, которая отнюдь ее не порадовала.

– Мне жаль. – Тео пообещал подруге накормить ее сокка – похожими на пиццу лепешками из нутовой муки, которые оба очень любили.

Это местное блюдо подавали в кафе на площади. После ужина Хлое нравилось играть в буль с завсегдатаями заведения, и мужчинам весьма льстило присутствие такой красивой девушки. Тео тоже любил вечера, когда можно было позволить себе сделать перерыв в работе.

¹ Буйабес – рыбная похлебка с чесноком, овощами и пряностями. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Но сегодня он мог лишь угостить Хлою ужином в полночь. Да и то если она согласится ждать так долго.

– Я обещал помочь матери. Заболел наш метрдотель. Она сказала, чтобы ты приехала на ужин. Надеюсь, мне удастся освободиться в одиннадцать, если к этому времени посетители разойдутся.

Однако оба знали, что в «Да Лоренцо» гости задерживаются надолго. Убранство ресторана навевало романтическое настроение, а персонал вел себя настолько доброжелательно, что никому не хотелось уходить. Все это также способствовало успеху заведения.

– Я мечтала оказаться в это время в постели, – раздраженно произнесла Хлоя. – И не в одиночестве. Я не видела тебя целую неделю. – Она явно злилась, что в последнее время стало нормой.

– Я работал. – Тео понимал, что его оправдание звучит неубедительно. Ведь он всегда объяснял свое отсутствие работой.

– Почему ты не можешь закончить рано? Я, например, каждый день ухожу с работы в шесть часов. – Только вот Хлоя выполняла второсортные коммерческие заказы, хотя Тео никогда не сказал бы ей об этом в глаза.

– У меня другой график. В любом случае сегодня вечером я занят. Хочешь пойти в ресторан в полночь? – Это было лучшее, что он мог предложить Хлое. И если она согласится, наградой будет превосходная еда.

– Нет желания наряжаться. Я собиралась надеть шорты и футболку. А ваш ресторан слишком пафосный для меня. Мне хотелось поесть сокка, сыграть в буль, а потом отправиться в постель.

– Мне бы тоже этого хотелось. Гораздо заманчивее, нежели потеть в костюме и галстук. Но я должен помочь матери.

Это тоже раздражало Хлою. Она встречалась с Мейлис всего пару раз и сочла ту слишком серьезно относящейся к живописи и слишком собственнически к единственному сыну. К тому же Хлоя была не расположена слушать лекцию о великом Лоренцо Луке, наводившую на нее тоску. Ей хотелось просто хорошо провести время с Тео. Сначала она считала его классным парнем – красивым, сексуальным и потрясающим в постели. Но вскоре поняла, что работа для него превыше всего.

– Я позвоню, когда освобожусь, – пообещал Тео. – Может, даже заеду.

Он принял душ и через час уже ехал в ресторан на своем старом автомобиле, одетый в темный костюм, белую сорочку и красный галстук. Его машину Хлоя тоже не любила и не понимала, почему он не купит что-нибудь более современное. Ведь Тео отнюдь не бедствовал. Высокий и красивый, с темными волосами и карими глазами, унаследованными от отца, Тео выглядел как большинство итальянцев. А вот во внешности Мейлис преобладали черты, свойственные француженкам. От нее Тео досталось врожденное чувство стиля, которое так нравилось женщинам.

Когда Тео вошел в ресторан, его мать разговаривала в кухне с шеф-поваром. Каждый день Мейлис внимательно изучала меню. А сейчас она пробовала закуски, отмечая, что сегодня они удались. Увидев сына, Мейлис улыбнулась. Выглядел он сногшибательно, и мать поблагодарила его за помощь. Затем она поспешила в сад, чтобы еще раз обойти столики, а Тео болтал с официантами, считавшими его отличным парнем. Затем все разошлись по своим местам. Тео и Мейлис стояли у дверей, готовясь встречать первых гостей. В «Да Лоренцо» начинался еще один незабываемый вечер.

Выйдя из каюты, Владимир и Наташа прошли мимо шлюпок, хранившихся на борту, на нижнюю палубу и направились к корме, где их ждал катер. Владимир очень любил это быстрое судно, сконструированное по спецзаказу за три миллиона долларов. Катер обладал

невероятной скоростью, и уже через несколько минут он пришвартовался у причала отеля «Дю Кап». Один из членов команды подогнал к отелю «феррари» Владимира. Иногда он брал с собой телохранителя, но сейчас в его мире царило спокойствие, поэтому сегодня вечером решил обойтись без сопровождения. Владимир сел за руль, и автомобиль тронулся с места. Этот спорткар быстро довезет их до места.

Наташа пристегнула ремень безопасности, а Владимир поставил диск с ее любимыми композициями. Он пребывал в приподнятом настроении и с нетерпением ждал ужина в знаменитом ресторане в окружении полотен Лоренцо Луки. Наташа выглядела исключительно привлекательно в коротком бледно-розовом платье, которое она не надевала прежде. Это платье «Шанель» со скромным кружевным воротничком и низким вырезом на спине выбрал для нее Владимир. К нему же были куплены босоножки в тон.

– Мне нравится твое новое платье. – Владимир восхищенно улыбнулся, и Наташа кивнула, польщенная тем, что он заметил ее наряд, хотя и выбирал его сам.

Владимир был в светлом льняном костюме, выгодно подчеркивающим его загар, полученный во время пребывания на яхте. Сегодня утром он провел в кабинете лишь несколько часов. Но зато целый день они с Наташей только и делали, что плавали и загорали. Так что оба могли похвастаться красивой смуглой кожей.

– В нем ты выглядишь как школьница. Но до тех пор, пока не повернешься спиной.

Платье являло изящную, покрытую бронзовым загаром спину Наташи, без светлых полосок от купальника. На яхте она всегда загорала топлес. С вырезом до талии, платье казалось сексуальным и вместе с тем невинным.

– Мне очень хочется посмотреть картины, – продолжил Владимир, умело управляя автомобилем. Они забронировали столик на половину девятого, но перед ужином ему хотелось осмотреть ресторан.

– Мне тоже, – отозвалась Наташа.

Вечер выдался теплым, поэтому Владимир опустил крышу автомобиля, и Наташе пришлось на время собрать волосы в хвост. Им потребовалось меньше обычного времени, чтобы добраться до городка Сен-Поль-де-Ванс, и вот уже один из служащих спешил, чтобы припарковать «феррари» Владимира, остановившийся у ничем не примечательного здания. Они вошли в просторный двор через высокую арку, и навстречу им вышла женщина в черном платье, с блестящими седыми волосами, собранными в пучок на затылке. На ее губах играла улыбка. Мейлис сразу узнала Владимира. Представившись мадам Лукой, она с интересом посмотрела на Наташу.

– Ваш столик будет готов через пять минут. А пока не желаете ли прогуляться по дому и посмотреть на картины Лоренцо? – спросила Мейлис так, словно они были давними друзьями, и Владимир кивнул, довольный тем, что у него будет время взглянуть на картины перед ужином.

Распустив волосы, Наташа последовала за ним. Стены дома были выкрашены в белый цвет, чтобы не отвлекать посетителей от полотен, и Владимира с Наташей тотчас окружили творения Лоренцо Луки. Картины висели почти вплотную друг к другу, так их было много, и Владимир сразу смог оценить палитру художника и особую технику нанесения мазков. Он остановился перед портретом красивой молодой женщины, в которой они с Наташей узнали хозяйку заведения. Под картиной красовалась маленькая бронзовая табличка с надписью «Не продается». Портрет женщины настолько завоροжил Владимира, что он с трудом заставил себя оторваться от него, чтобы перейти к следующему полотну. Наташа находилась под впечатлением от увиденного. Все без исключения картины были настоящими шедеврами, и под каждой висели одинаковые бронзовые таблички с одной и той же надписью.

– Это не совсем галерея, – протянул Владимир, слегка раздраженный наличием бронзовых табличек. Они с Наташей обошли комнату, а потом двинулись по коридору в другое поме-

щение. Ни одна из картин не была выставлена на продажу. – Она считает свой дом музеем, – заметил он.

– Я читала об этом в Интернете. Здесь выставлена коллекция картин, принадлежащих мадам Луке. Но еще больше произведений ее мужа хранится в студии, – пояснила Наташа. Ей нравилось собирать информацию о местах, куда направлялись они с Владимиром, чтобы потом поделиться ею с ним.

– Странно, что она не желает продавать картины, – произнес он, когда они вернулись в первую комнату, где Наташа заметила наблюдавшего за ними молодого человека в темно-синем костюме. Он не заговорил с ними, но она чувствовала на себе пронзительный взгляд его серьезных карих глаз.

Наташа увидела его снова, когда они вышли в сад, где Мейлис ждала, чтобы сопроводить их к столу. Хозяйка снова улыбнулась, отметив красоту и потрясающую фигуру Наташи, а потом переключила внимание на Владимира.

– Экскурсия показалась вам интересной? – вежливо поинтересовалась она.

– Я заметил, что ни одна из картин не продается.

– Верно. Мы не продаем картины Лоренцо. Это часть принадлежащей семье коллекции. Картины моего мужа выставлялись в галерее в Париже. В Бовиньи Ферран. – Вначале у Габриэля был партнер, у которого он впоследствии выкупил бизнес. Однако имя галереи пришлось оставить прежним, поскольку к тому времени оно было широко известно. За что Габриэль щедро заплатил Жоржу Бовиньи.

– Но они тоже не продают работы Лоренцо, – произнес Владимир. – Насколько я понял, картины вашего мужа больше не появляются на рынке. – Он многозначительно посмотрел на Мейлис.

– Ни разу не появлялись с момента его смерти двенадцать лет назад, – подтвердила она.

– Вам повезло стать обладательницей столь обширной коллекции.

– Да, – кивнула Мейлис. – Надеюсь, ужин доставит вам удовольствие. – Она тепло улыбнулась и направилась к входу встречать остальных гостей.

Мейлис подошла к Тео, не сводившему взгляда со столика Владимира.

– У нас сегодня очень важный гость, – сказала она, однако Тео, казалось, ее не услышал. Он следил за каждым жестом Наташи, обсуждавшей с Владимиром меню.

– Никогда не понимал, почему женщины живут с такими, как он. Он ведь ей в отцы годится, – презрительно усмехнулся Тео, хотя его собственный отец был старше жены на сорок лет.

– В их случае все дело в деньгах, – ответила Мейлис.

Услышав замечание матери, Тео раздраженно повел плечами:

– Не может быть все так просто. Она же не проститутка. Она выглядит настоящим произведением искусства. Такая женщина с ним не ради денег. – Тео не мог отвести глаз от девушки с манерами истиной леди, тихо беседующей с их русским гостем. Он заметил, как изящно она поднимает руки и как поблескивает в пламени свечей тонкий бриллиантовый браслет на ее запястье.

– Дело во власти, образе жизни и том, что он может ей дать. Не трать время на грезы об этой женщине. Такие, как она, – дамы особой породы. Когда ей наскучит Владимир, она найдет кого-нибудь другого. Хотя отыскать мужчину богаче и влиятельнее Владимира Станиславова не так-то просто.

Тео промолчал. Он продолжал наблюдать за Наташей, а потом, словно стряхнув с себя оцепенение, отправился проверять остальные столики и прошел мимо столика Наташи на обратном пути.

– Все в порядке? – вежливо поинтересовался Тео.

– Мы готовы сделать заказ, – произнес Владимир тоном человека, привыкшего отдавать приказы.

Однако на Тео это не произвело впечатления, поэтому он лишь учтиво кивнул. Ничто не указывало на то, что этот ресторан принадлежит ему. Вернее, его матери. Для гостей он был обычным метрдотелем – вежливым и внимательным.

– Пришлю вам официанта.

Отойдя от стола, Тео продолжил наблюдать за Наташей. Трудно было представить себя рядом с такой женщиной, как Хлоя, после того, как увидел, что в мире существуют такие, как эта русская. Все в ней было изяшно и грациозно. Она словно двигалась в такт лишь одной ей слышной музыке и не спускала глаз со своего спутника.

От сомелье Тео узнал, что Владимир заказал бутылку самого дорогого вина. Вскоре он заметил, как Владимир достал из кармана завибрировавший телефон и ответил на звонок. Он быстро поднялся из-за стола, тихо сказал что-то Наташе и вышел на улицу, чтобы продолжить беседу. Тео слышал, как он говорил по-русски.

Наташа закончила есть и явно почувствовала себя в одиночестве неуютно. Через несколько минут она встала из-за стола и прошла в дом, чтобы еще раз полюбоваться картинами. Наташа остановилась перед той же картиной, что понравилась Владимиру, и долго смотрела на нее. Ощувив, будто что-то неумолимо тянет его в дом, Тео отправился вслед за девушкой и улыбнулся ей с другого конца комнаты.

– Красиво, не правда ли? – произнес он.

– Это его жена? – спросила Наташа. Ее легкий акцент показался Тео весьма привлекательным. А еще она обладала мягким сексуальным голосом, от которого по спине Тео побежали мурашки.

– Да, – ответил он, наблюдая за реакцией гостьи. Только вот на момент создания этой картины его мать не была женой Лоренцо. Они поженились гораздо позднее, прожив вместе более двадцати лет и произведя на свет сына. Тео рассказал Наташе об этом, опустив факт, что он и есть сын автора картины.

– Малыш на картине – их сын?

Тео кивнул, снова не назвав своего имени. Он не желал, чтобы его «видели». Просто хотел наслаждаться созерцанием Наташи. Эта женщина была почти так же красива, как портреты его матери.

– Она правильно делает, что не продает картины, – тихо заметила Наташа. – Мне было бы сложно расстаться хотя бы с одной из них.

Тео нравился ее голос. Ему казалось, будто она вот-вот замурлычет. А еще девушка выглядела невинной и робкой, словно редко общалась с незнакомцами.

– Именно поэтому она и не соглашается продавать их. Хотя картин гораздо больше, чем здесь. Много Лоренцо раздал в молодости друзьям или ценителям своего творчества. Его не интересовали деньги. Только качество работы. Ни одна из представленных тут картин не продается, – тихо объяснил Тео. – Его вдова отказывается с ними расставаться.

– Все имеет свою цену.

Молодые люди едва не подскочили от неожиданности, когда у них за спиной раздался мужской голос. Развернувшись, Тео заметил Владимира, стоявшего в дверях все с тем же выражением раздражения на лице. Он не любил вещи, которые не мог купить.

– Пойдем за стол? – обратился Владимир к Наташе. Его слова напоминали скорее приказ, нежели вопрос.

Одарив Тео обворожительной улыбкой, Наташа вышла в сад вслед за Владимиром. Тео наблюдал, как они заказали сырное ассорти и десерт. А потом Владимир закурил сигару, и Наташа улыбалась, глядя на него. Он только что сказал ей, что она прекраснее любого произведения искусства.

Перехватив взгляд сына, Мейлис сдвинула брови и приблизилась к нему. Большинство гостей уже покинуло ресторан, но несколько столиков еще было занято – посетители наслаждались вечером после вкусного ужина.

– Не делай этого, – с беспокойством произнесла Мейлис. – Она точно картина в музее, которой ты не можешь обладать. – Тео вспомнил слова Владимира о том, что все имеет свою цену. – Кроме того, ты не можешь себе позволить подобной роскоши.

– Верно, – ответил Тео с улыбкой. – Просто на нее приятно смотреть.

– С расстояния. Такие женщины опасны. Они разбивают мужчинам сердца. Она не такая, как известные тебе девушки. Для нее это работа.

– Думаешь, она проститутка? – Тео удивленно посмотрел на мать, но та покачала головой.

– Ничего подобного. Она – его любовница. Это написано у нее на лбу. Ее платье стоит больше, чем любая из твоих картин. А браслет и серьги могут сравниться по стоимости с картиной твоего отца. Это своего рода профессия – принадлежать богатому и влиятельному мужчине.

– Пожалуй. Я видел его яхту. Трудно представить, что у кого-то столько денег и... такая женщина, как она.

– Ты должен владеть таким же богатством, как Владимир, чтобы иметь такую женщину. Хотя, должна признаться, она гораздо красивее многих дам. Наверное, ей одиноко. Она принадлежит только ему. И поэтому рядом с ним.

Тео поморщился. Мать говорила об этой русской так, словно та была рабыней, предметом купли и продажи. По мнению Владимира, все имело свою цену. И даже его девушка.

Через некоторое время русские гости тоже покинули ресторан. Владимир расплатился наличными, оставив официанту огромные чаевые, равные половине счета. Мейлис с теплой улыбкой поблагодарила их за визит. Тео же отправился в кухню и теперь беседовал с шеф-поваром, стараясь не думать о девушке, ушедшей под руку с богатым русским. Неужели мать права, и Владимир действительно считает Наташу своей собственностью? Сам Тео не смог бы так относиться к женщине. И чем больше он думал о Наташе, тем сильнее ему хотелось написать ее портрет. Только так он мог чуть-чуть приблизиться к ней, заглянуть ей в душу, сделать ее своей.

Все еще погруженный в мысли о Наташе, Тео вышел из ресторана, бросил пиджак на заднее сиденье машины, снял галстук и позвонил Хлое. Ему захотелось увидеть ее, но Хлою не слишком-то обрадовал поздний звонок. Уже давно перевалило за полночь, и Тео ее разбудил.

– Все еще нужна компания? – спросил он глухим от желания голосом, приведшим Хлою в ярость.

– Для секса? Нет. Ты закончил работать на свою мать и решил заскочить ко мне по дороге домой?

– Не глупи, Хлоя. Ты же сказала, что хочешь меня видеть.

– Позвони завтра, и мы поговорим об этом. – Хлоя повесила трубку, и Тео поехал домой.

Мать права. Он тронулся умом, раз позволил себе увлечься незнакомой девушкой в ресторане. Ведь она любовница другого мужчины. К тому же он не знал, как обращаться с такой молодой дамой. Правда, говорить с ней было легко. Тео вновь вспомнил ее мягкий голос, когда она расспрашивала его о картине на стене.

Он вошел в дом и швырнул ключи от автомобиля на кухонный стол. Жаль, что Хлоя не позволила ему приехать. Внезапно Тео почувствовал себя невероятно одиноко, хотя сам не понимал почему. Он включил в студии свет, взял натянутый на раму чистый холст и теперь, глядя на него, видел лишь лицо Наташи, умолявшее превратить его в портрет.

Наташа и Владимир добрались до пристани, где их поджидал катер.

– У меня сегодня посетитель, – тихо произнес Владимир, когда катер бесшумно полетел по водной глади.

На море царил штиль, а высоко висевшая в небе луна отбрасывала на поверхность серебристые блики. Наташа не стала спрашивать имени посетителя, сообразив, что это наверняка какой-то очень важный человек, раз встреча назначена на столь поздний час.

– Мне нужно изучить кое-какие документы. Не хочу тебя беспокоить, поэтому подожду своего гостя в кабинете.

Наташа сразу поняла, что таинственный посетитель не желает, чтобы кто-то знал об их с Владимиром встрече. С ее любовником имели дело важные и влиятельные люди. Она к этому привыкла. Наташа часто слышала, как под покровом ночи на палубу яхты опускался вертолет, который затем улетал до наступления рассвета.

Владимир проводил ее в спальню, обнял за талию и поцеловал.

– Спасибо за чудесный вечер, – промолвила она. Ей понравился ресторан, и картины, и время, проведенное с Владимиром.

– Дурацкое место. Ни одна из картин не продается.

Наташа видела, что это обстоятельство беспокоит Владимира, и все равно вечер оказался чудесным. Владимир снова поцеловал ее, а потом вышел в коридор. Его ждала работа. Погружаясь в сон, Наташа услышала шум вертолета. Она уже крепко спала, когда на палубу спустился высокопоставленный правительственный чиновник, окруженный телохранителями. Он направился к ожидающему его Владимиру, и они пожали друг другу руки. После этого прошли в кабинет Владимира, оснащенный шумоизоляцией и бронированными стенами. Им предстояло работать всю ночь, чтобы с наступлением утра подписать договор.

Глава 3

Проснувшись на следующее утро, Наташа обнаружила, что постель рядом с ней пуста. Она открыла глаза и увидела улыбающегося Владимира. Он был в деловом костюме, в руках держал кейс. Владимир выглядел уставшим, но довольным. Наташа знала, что он всю ночь не сомкнул глаз, ведя переговоры с таинственным посетителем, прилетевшим на вертолете. Глаза Владимира горели торжеством, как у зверя, наконец-то заполучившего добычу. Так бывало всякий раз, когда дела шли хорошо.

– Едешь куда-то? – спросила Наташа, потягиваясь, словно кошка. И Владимир опустился на кровать рядом с ней.

– В Москву на несколько дней.

Владимир подписал предварительное соглашение относительно крупной сделки, которая должна была принести последнему миллиардную прибыль. Теперь же предстояло уточнить окончательный вариант соглашения. В общем, долгое путешествие в Москву того стоило. До недавнего времени на российском рынке у Владимира имелась пара конкурентов. Но его связи и умелое ведение дел помогли обойти обоих. А ведь они запросто могли занять его место. Просто Владимир понимал, когда нужно надавить, на кого и в каких пределах. Он знал слабые места своих врагов и конкурентов и не гнушался использовать информацию в своих целях.

– Позвоню тебе позднее, – пообещал Владимир, наклонившись, чтобы поцеловать Наташу. Ему очень хотелось заняться с ней любовью, но дела не терпели отлагательств, к тому же в аэропорту Ниццы его ждал самолет. – Прогуляйся по магазинам, пока меня нет. Съезди в «Эрмес» в Каннах.

Там же находился любимый Наташей бутик «Диор». Несколько дней назад она заглянула в «Шанель». На набережной Круазет располагались и другие магазины. В подобные моменты Наташа жалела, что у нее нет подруги, которая могла бы составить ей компанию, только вот женщины в ее положении не имели времени на друзей. Она всегда должна была ждать у телефона звонка Владимира, планы которого могли измениться в любую секунду. Его график был таким же непредсказуемым, как и он сам. Постоянное присутствие Наташи рядом являлось частью их молчаливого соглашения.

– Не волнуйся. Я найду чем заняться. – Наташа обвила руками шею Владимира, и тот, ощутив прикосновение ее груди, взял их в ладони.

– Нужно было взять тебя с собой. Но у меня много работы, и тебе будет скучно в Москве. Оставайся на яхте. Не езди на виллу без меня. – Наташа знала о нападениях на богатые дома и никогда не посещала виллу в Сен-Жан-Кап-Ферра без Владимира. – Придумаем что-нибудь, когда я вернусь. Может, поедem в Сан-Тропе или на Сардинию.

Идея Владимира пришлась Наташе по душе. Она встала с постели и проводила его до двери, чтобы еще раз поцеловать. Просунув руки под лямки атласной сорочки, он сдвинул их с плеч Наташи, и сорочка упала на пол, явив его взору восхитительное тело. Владимира все еще будоражила мысль, что эта женщина принадлежит ему, подобно другим драгоценным произведениям искусства. Он знал, что ему завидуют все, кто видит их вместе. Владимир поцеловал Наташу в последний раз, а потом вышел из спальни и тихо прикрыл за собой дверь. Она же направилась в душ, улыбаясь. Через несколько минут Наташа услышала шум поднимающегося в воздух вертолета. Она даже не задумалась о том, зачем Владимиру понадобилось лететь в Москву. Да и не желала этого знать. Таких вопросов она не задавала даже самой себе. Наташа знала лишь то, что всецело принадлежит Владимиру и он по-своему любит ее. Этого было достаточно. Наташа тоже его любила. Да и могло ли быть иначе? Ведь он ее спас.

Мейлис просматривала отчетность ресторана, когда ей позвонил из Парижа Габриэль. Она всегда внимательно следила за расходами и тем, чтобы никто из обслуживающего персонала не воровал. Блюда в их ресторане стоили дорого, а продукты дешево, ведь их поставляли со всей Европы. Счета за вино выглядели астрономическими, но и доходы ресторана тоже, так что все было в порядке. Голос Мейлис звучал серьезно, когда она ответила на звонок.

– Что-нибудь случилось?

Габриэль тонко чувствовал настроение любимой и старался решить ее проблемы. Он защищал Мейлис как собственного ребенка с тех самых пор, как начал представлять интересы Лоренцо, а теперь, когда они стали любовниками, это желание стало еще сильнее. Габриэль относился к Мейлис с уважением и беспокоился о ней, подобно любящему отцу, хотя был лишь на четыре года старше. Впрочем в свои шестьдесят семь лет Габриэль выглядел гораздо старше Мейлис. Головы обоих посеребрила седина, только вот лицо Мейлис оставалось молодым и нетронутым морщинами, а фигура источала чувственность и притягивала взоры мужчин так же, как и в те времена, когда она позировала Лоренцо.

– Нет. Я просто просматривала документы. По-моему, все в порядке. Когда ты приедешь? Он улыбнулся:

– Я ведь уехал три дня назад. Мне нужно провести некоторое время здесь, в Париже, иначе Мари-Клод обидится.

Габриэль старался как можно больше времени проводить в Сен-Поль-де-Ванс, несмотря на то что до сих пор владел галереей в Париже. В последние четыре года, после того как они стали парой, он почти все свободное время проводил с Мейлис. Только вот она в душе по-прежнему считала себя женой давно умершего мужчины, а Габриэля воспринимала как тайного и потому постыдного любовника. Мейлис никому не рассказывала о своих отношениях с ним, а он спокойно воспринимал ее странности, лишь бы только оставаться рядом. Мари-Клод давно уже руководила галереей вместо отца. Она, недавно отметившая сорокалетие, была замужем за успешным адвокатом и имела двоих детей-подростков, которых, как ей казалось, дед видит очень редко, поскольку постоянно проводит время с Мейлис в Сен-Поль-де-Ванс и интересуется делами Тео гораздо больше, нежели собственной семьей. Все это расстраивало Мари-Клод. Она обижалась на отца и не скрывала недовольства.

– Мари-Клод может справиться без тебя, а я нет, – произнесла Мейлис, и Габриэль мысленно улыбнулся, зная, что это правда.

Мейлис прекрасно справлялась с рестораном, но собственные финансы и еще более запутанные дела Лоренцо наводили на нее ужас. Габриэль же прекрасно в этом разбирался и с удовольствием облегчал жизнь любимой. Он решал денежные проблемы Мейлис на протяжении многих лет. Дочь Габриэля тоже оказалась удачливой в бизнесе, только вот ей совсем не нравилось соревноваться с семейством Луки за внимание отца. Она считала нездоровой его искреннюю привязанность к этим людям и не любила эгоистичную вдову, без зазрения совести подчинившую себе любовника и использующую его в собственных целях.

– Скоро вернусь. Хотел провести недельку в Париже и пообщаться с Мари-Клод. Она отыскала несколько новых художников.

В последние годы Габриэль превратился в пассивного партнера дочери, руководившей некогда основанной им галереей. Все его время по-прежнему занимали дела Лоренцо, оставившего огромное наследство и весьма запутанную финансовую документацию. Габриэлю хотелось удостовериться, что благополучию Мейлис ничто не угрожает и не будет угрожать в будущем, на случай, если с ним самим что-нибудь случится. Он так же консультировал Тео, взяв на себя ведение его дел. В отличие от матери Тео распоряжался финансами более обдуманно и дальновидно, однако не желал отвлекаться от творчества.

– Сегодня утром у меня состоялась беседа, которую я хотел бы обсудить с тобой, Мейлис.

– Мне опять повысили налоги, и ты хочешь с этим разобраться? От таких разговоров у меня начинает болеть голова. – Мейлис мгновенно занервничала.

– Речь не о налогах. Тебе придется принять важное решение. Из Лондона мне позвонил адвокат, представляющий интересы клиента, пожелавшего сохранить свое имя в тайне. Этот человек коллекционирует произведения искусства и хочет купить одну из картин, что видел в твоём ресторане.

– Дальше можешь не продолжать! Ты знаешь, я не продаю картины. И это написано на каждой из тех, что висят в моем доме и ресторане.

– Но он предлагает весьма внушительную сумму, Мейлис. И я обязан хотя бы сообщить тебе об этом предложении. Я не хотел отказывать без твоего ведома.

– В следующий раз не спрашивай моего совета, поскольку знаешь, что нужно ответить. Скажи, что работы Лоренцо не продаются. – Мейлис не захотела даже услышать сумму.

– Этот адвокат просто выполняет свою работу. Он предлагает ту же сумму, за которую картина Лоренцо была продана в последний раз на аукционе «Кристис». Это очень большие деньги, и клиент явно готов дать больше. – Несмотря на баснословную сумму, со слов адвоката Габриэль понял, что клиент готов торговаться до последнего.

– Это было семь лет назад, поэтому неудивительно, что они готовы дать больше. Только вот я не продаю картины. Так им и передай. Ты знаешь имя клиента?

– Нет. Потенциальный покупатель не пожелал назвать своего имени.

– Впрочем, это неважно. Передай, что дальнейших переговоров не будет.

Габриэль минуту колебался. Адвокат назвал заоблачную сумму, но Мейлис была права. Если бы она пожелала выставить одну из картин Лоренцо на аукцион, то они выручили бы за нее гораздо больше. Однако потенциальный покупатель тоже это знал и поэтому назвал весьма соблазнительную стартовую сумму.

– Думаю, тебе следует обсудить это с Тео, – спокойно произнес Габриэль.

Он считал, что парень должен знать о звонке из Лондона, хотя картина являлась собственностью Мейлис, раз висела у нее в ресторане. Тео мог бы дать матери дельный совет. Да и Габриэлю хотелось уговорить ее выставить картину на продажу, чтобы установить новые цены на работы Лоренцо, которые явно окажутся гораздо выше прежних. Габриэль готов был назначить более высокую цену за картину и рассказал Мейлис, о какой именно идет речь.

– Тео не имеет к этой картине никакого отношения. Он тоже не желает продавать те, что принадлежат ему. Мы не нуждаемся в средствах, и я не стану распродавать наследие Лоренцо. – Мейлис вела довольно скромный образ жизни, поэтому сколотила приличное состояние, владея рестораном. И это не считая оставленного Лоренцо наследства.

– Просто сообщи Тео. Мне было бы интересно услышать его мнение. – Габриэль никогда не давил на Мейлис и ни к чему не принуждал.

– Хорошо. Я ему скажу, – нехотя согласилась Мейлис и принялась обсуждать более важные проблемы.

Например, запасы дорогого вина в ресторане. Габриэль давал ей советы относительно всего, и Мейлис полностью доверяла ему. Она следовала рекомендациям Габриэля, кроме тех, что касались продажи картин Лоренцо. И все же, прежде чем закончить разговор, Мейлис пообещала, что позвонит сыну. Она закончила просматривать счета, а затем набрала номер Тео.

Ей пришлось ждать ответа довольно долго. И это означало, что Тео работает. И правда, его голос в телефоне прозвучал отрешенно, когда он увидел на дисплее номер матери. Тео надеялся, что она не попросит его поработать в ресторане, а Жан-Пьер жив, здоров и выполняет свои обязанности метрдотеля.

– Да? Я рисую.

– Я так и поняла, поскольку ты рисуешь всегда. Габриэль попросил тебе позвонить.

– Что-нибудь случилось?

– Все в порядке. Габриэлю позвонил адвокат из Лондона, представляющий анонимного коллекционера произведений искусства, интересующегося покупкой одной из моих картин.

– Ты сказала ему, что не продаешь их? – Тео не видел смысла в продолжении этого разговора. К тому же он терпеть не мог менять ход мыслей во время работы. Для него написание картины было кропотливым и вдумчивым трудом.

– Габриэлю это известно. Судя по всему, покупатель предлагает такую же сумму, что мы выручили на последнем аукционе «Кристис». Хотя, по-моему, он занизил цену. Габриэль считает, ты должен знать об этом звонке. А еще он сказал, что готов обсуждать более высокую цену, если мы согласимся продать картину, чего я, конечно, не сделаю.

Тео помедлил с ответом:

– Семь лет назад цена на картину оказалась раздутой из-за непримиримой битвы между двумя покупателями. Они заплатили гораздо больше, чем должны были. – И все же результат порадовал Мейлис и Тео. – Этот неизвестный покупатель назвал начальную цену и готов торговаться? – В голосе Тео послышалось удивление.

– Так сообщил Габриэль. Я велела ему ответить отказом, но он настоял, чтобы я сначала обсудила это с тобой. – Тео понимал почему. Предложенная сумма была поистине астрономической, и она наверняка изменит цены на картины Лоренцо на рынке произведений искусства. А ведь покупатель готов был дать даже больше.

– Может, нам следует обдумать предложение, – тихо произнес Тео. – Посмотреть, насколько сильно покупатель хочет получить эту картину и как много готов за нее дать.

– Не собираюсь ничего продавать! – В голосе Мейлис зазвенела сталь. – Это один из первых портретов, для которого я позировала твоему отцу. Тогда я была для него просто моделью. – Услышав это, Тео сообразил, о какой картине идет речь. Именно она завладела вниманием Владимира Станиславова в ресторане накануне вечером.

– Кажется, я знаю имя покупателя. Картина очаровала Станисласа. – Тео вспомнил раздражение русского, когда тот услышал, что картина не продается, и его замечание о том, что все имеет свою цену. – Если это действительно он, с ним можно смело торговаться и просить больше. Он не знает слова «нет», и если картина действительно запала ему в душу, то отдаст за нее любые деньги.

– Картина не продается, – повторила Мейлис. – И мне плевать на его предложение.

– Но ведь это поможет установить новые цены на работы отца. Поднять планку выше.

– Какая разница, сколько будут стоить его картины, если мы не собираемся продавать их?

– Однажды ты можешь захотеть что-нибудь продать, поэтому нужно держать руку на пульсе и подогревать интерес к творчеству отца. Габриэль всегда говорил, что полезно время от времени продавать какие-нибудь из картин. К тому же после того, как вы стали парой, папа начал рисовать лучше. Эта картина не самая ценная в твоей коллекции. – Последние произведения Лоренцо прямо-таки источали его любовь к Мейлис и сыну. – Наверное, стоит ее продать.

– Мой ответ «нет». – Порой Мейлис становилась чрезвычайно упрямой, особенно когда речь заходила о картинах покойного мужа.

– В любом случае решать тебе, мама. Но я бы поторговался и выяснил, сколько можно получить за этот портрет. – Это был хороший совет. Габриэль посоветовал бы то же самое.

– Я уже попросила Габриэля сообщить покупателю о моем решении. – И Мейлис еще раз повторила свою просьбу, когда закончила разговаривать с Тео. Габриэля слегка разочаровал факт, что она не захотела прислушаться ни к нему, ни к сыну.

– Хорошо, я передам им твой ответ, – тихо произнес он, зная, что спорить в данном случае бессмысленно. Он позвонил лондонскому адвокату и сказал, что картина не продается.

Габриэль как раз просматривал фото работ новых художников, представленных Мари-Клод в галерее, и восхищался ее потрясающим чутьем, когда из Лондона вновь позвонил адвокат с предложением гораздо более высокой цены за картину. Габриэлю стоило больших усилий не показать, насколько он взволнован. Очевидно, анонимный покупатель вознамерился заплатить любую сумму денег за право стать обладателем творения Лоренцо. На сей раз он предлагал на пятнадцать процентов больше той суммы, что выручили за картину на последнем аукционе «Кристис». И это было невероятно щедро. Габриэль пообещал сообщить о новых обстоятельствах вдове художника. Однако Мейлис снова заупрямилась. Причем настолько, что даже отказалась звонить Тео.

– Но ведь это огромные деньги! – попытался образумить подругу Габриэль. – Думаю, тебе не следует отказываться от подобного предложения, Мейлис. Ведь это выведет картины Лоренцо на недостижимый уровень на мировом рынке.

– Мне безразлично. Полотно не продается.

Вздыхнув и почувствовав себя полным идиотом, Габриэль позвонил адвокату в Лондон. Предложенная покупателем сумма поражала воображение, и все же ему предстояло объяснить адвокату, что в данный момент миссис Лука не желает расставаться с работами мужа. Габриэль хотел дать понять, что в будущем подобная сделка может состояться, хотя вовсе не был в этом уверен. Тео деньги тоже не интересовали. Он, как и мать, жил весьма скромно.

– Мой клиент наделил меня полномочиями выдвинуть последнее предложение, – в отрывистой британской манере отчеканил адвокат, а затем удвоил начальную сумму, тем самым сделав картину Лоренцо одной из самых дорогих в мире. Если, конечно, Мейлис решит принять предложение.

Габриэль минуту молчал, ошеломленный услышанным.

– Я передам ваше предложение своей клиентке, – вежливо ответил он и сразу позвонил Тео.

Услышав, какую сумму предлагают за картину отца, тот воскликнул:

– Господи! Это наверняка Станиславов. Больше никому не под силу заплатить такие деньги.

– Даже не знаю, что сказать твоей матери. Полагаю, она должна согласиться, – признался Габриэль.

Мейлис прислушивалась к нему, но не в тех случаях, когда речь заходила о картинах Лоренцо. Ее эмоциональная привязанность к покойному мужу и его наследию была слишком глубока. Габриэля же никто не мог обвинить в материальной заинтересованности, поскольку он давно уже перестал начислять комиссию с потенциальных продаж, включая последнюю. Он больше не считал себя вправе делать это, и в его советах не было личной заинтересованности.

– Я тоже так думаю, – произнес Тео. – Вчера вечером мне не понравился покупатель. Если, конечно, это действительно Станиславов. – Он испытывал неприязнь к этому русскому на каком-то подсознательном уровне. – Но это огромные деньги, и мать не должна от них отказываться.

– Наверное, она все же откажется, как бы мы ни убеждали ее в обратном.

– Отец написал эту картину, когда мать была для него лишь моделью. И данное обстоятельство нам на руку. Сомневаюсь, что она продаст более поздние картины, написанные в те времена, когда она была его любовницей и женой. Нет, матери не следует отказываться от этого предложения. Ведь оно очень важно для продвижения картин отца на мировом рынке. Предлагаемая сумма вдвое больше той, что мы получили на последнем аукционе. Это огромный скачок вперед, – заметил Тео.

– Я бы напомнил Мейлис об этом, – кивнул Габриэль. – Посмотрим, что у тебя получится.

Тео позвонил матери сразу после разговора с Габриэлем и повторил ей все то, что обсуждал с ним. Добавил, что предлагаемая сделка ставит картины отца на одну ступень с миро-

выми шедеврами и мать не должна лишать его такой славы. Тео сказал, что отец наверняка согласился бы продать картину, и теперь оставалось лишь надеяться, что его слова заставят мать передумать. Порой было полезно пробуждать к жизни дух Лоренцо и его воображаемые желания.

– Я подумаю, – страдальчески ответила Мейлис. Ведь работы Лоренцо были для нее словно родные дети, и каждый раз, расставаясь с одной из них, она словно теряла одну частичку покойного мужа.

Тео был немало удивлен, когда мать перезвонила ему через час. Слова сына заставили ее иначе взглянуть на ситуацию, и теперь она хотела сделать то, чего желал бы сам Лоренцо.

– Если ты действительно считаешь, что для него это было бы очень важно, и он сам хотел бы этого, я продам картину, – говорила сквозь слезы Мейлис.

Тео, как и Габриэль, знал, что тяжело далось ей это решение, поэтому не давил на мать, а просто мягко посоветовал, как поступить. А еще он произнес магические слова: «Ты должна сделать это для папы. Он хотел бы этого. Это будет данью его памяти».

– Ты приняла верное решение, мама. Отец не возражал бы.

Кроме того, было бы преступлением отказываться от таких огромных денег. Они подняли цены на картины Лоренцо вдвое, даже не выставляя их на аукцион. Тео поздравил мать с мудрым решением и попросил ее позвонить Габриэлю, чтобы покупатель или она сама не успели передумать. Габриэль был удивлен и впечатлен не меньше Тео. Отключив телефон, Тео вспомнил замечание Владимира Станиславовича о том, что все на свете имеет свою цену. Русский оказался прав, и он ненавидел его за это. Считал ли Владимир, что данное правило применимо и к людям? Не исключено. И мысль об этом порождала в душе Тео еще бо́льшую неприязнь. Но если покупателем являлся действительно он, то на сей раз победа оказалась на его стороне. Впрочем, они с матерью тоже не проиграли. Ситуация была выигрышной для всех.

Габриэль позвонил адвокату в Лондон, и тот заверил его, что покупатель будет очень доволен. Он перезвонил Габриэлю через десять минут и сообщил, что деньги будут переведены на банковский счет его галереи в Париже в течение часа. Покупатель хотел, чтобы картину доставили на борт яхты «Принцесса Марина». Катер должен был ждать посыльного в пять часов вечера у пристани отеля «Дю Кап – Эден-Рок». Это лишь подтвердило догадку Тео о том, что картину купил Владимир Станиславович. Теперь, когда переговоры завершились к обоюдному удовольствию сторон, он не считал нужным далее скрывать свое имя. Габриэль позвонил Тео и сказал, что его догадка верна.

– Я знал это с самого начала, – произнес тот. – Вчера вечером он смотрел на картину так, словно собирался сорвать ее со стены и унести с собой. Мне ненавистна мысль, что теперь она будет принадлежать ему. Но за такую цену... Разве мы могли отказаться?

– Хорошо, что ты не сделал этого. К тому же ты сказал матери правду. Эта сделка является важнейшей вехой для наследия твоего отца. Она установила начальную, а вовсе не предельно возможную цену для следующих торгов. Данная сделка невероятно важна, если вы с матерью еще когда-нибудь решите продать одну из картин. Она увеличила цену всей коллекции вдвое. А это немало.

Внезапно Тео в полной мере осознал, что произошло. Их с матерью состояния увеличились вдвое в результате продажи одной-единственной картины. Тео не нравился новый владелец, и его терзали не слишком приятные предчувствия, однако Владимир оказал им огромную услугу.

– Он хочет, чтобы картину доставили на яхту в пять часов вечера, – продолжил Габриэль. – Жаль отрывать тебя от работы, но не мог бы ты сделать это лично? Для твоей матери это будет слишком тяжело.

– Разумеется, – согласился Тео, раздумывая над тем, удастся ли ему увидеть Наташу или на борту его встретит один Владимир. За такие деньги он наверняка захочет получить картину лично в руки.

– Катер будет ждать тебя на пристани у отеля «Дю Кап». Тебе нужно подняться на борт яхты и передать картину Станиславу. На этом твоя миссия закончена. Адвокат сказал, что деньги поступят на счет галереи в течение часа. Я сразу переведу их на личный счет твоей матери. Как только получим деньги, можешь отвозить картину.

Переводы таких больших сумм денег обычно занимали гораздо больше времени. Но не для Владимира.

– Буду на пристани в пять часов. А пока помогу матери снять картину со стены.

Все полотна были тщательно закреплены на стенах, чтобы предотвратить кражи и удовлетворить страховую компанию, поскольку ресторан являлся публичным местом. Картины в студии Лоренцо охранялись менее тщательно, но там не бывало никого, кроме Мейлис. К тому же несколько лет назад в студии установили сигнализацию. Мать и сын всегда относились к творениям Лоренцо бережно и трепетно.

– Сообщу тебе сразу, как получу деньги. Хотя уверен, с этим проблем не возникнет. Станислав, наверное, состоит из долларов, – пошутил Габриэль, все еще удивляясь тому, какую огромную сумму отвалил за картину Лоренцо этот русский. Было ясно – когда Владимир чего-то хотел, то добивался желаемого любыми средствами.

– Вероятно, – кивнул Тео.

Даже астрономическая сумма не заставила его относиться к Владимиру более благосклонно. Все в нем было Тео отвратительно. Единственной целью было обладать желаемым, будь то люди, целые предприятия или какие-то вещи. Интересно, как чувствовала себя в роли собственности красивая молодая женщина, которую он видел рядом с Владимиром? Мысль об этом была Тео неприятна. Ведь у красавицы такие чудесные глаза. Да и беседовать с ней было весьма приятно. Тео хотелось бы вновь увидеть ее на борту яхты. Только вряд ли это случится. К нему самому отнесутся как к простому посыльному и отправят на берег, едва картина окажется у Владимира. Иного Тео не ожидал. Новые владельцы не знали, что он сын Лоренцо, и Тео не хотел, чтобы это стало известно. Это не их дело. К тому же не в характере Тео представляться сыном известного художника. Он никогда так не поступал.

Тео приехал на причал в «Эден-Рок» ровно в пять часов. Он тщательно завернул картину сначала в специальную бумагу, затем в мягкую ткань и обертку с воздушными пузырьками и, наконец, в плотный целлофан, чтобы защитить от водяных брызг во время поездки на катере. Тео держал картину в руках, когда катер причалил к пристани. Матросы с «Принцессы Марины» сразу увидели его, забрали картину, накрыли ее брезентом, помогли Тео сесть на катер и на большой скорости отчалили от берега. Молодого человека попросили подождать вместе с картиной на палубе. А вскоре стюард и телохранитель сопроводили его к лифту. С Тео обращались уважительно, однако задача этих двоих была ясна. Они должны были проводить его к тому, кто заберет у него картину. Скорее всего, это будет Станислав, отдавший за нее целое состояние. Наверняка он хотел собственноручно забрать новое сокровище.

Лифт доставил Тео в огромный бар на верхней палубе, где он увидел сидевшую на диване босую женщину, в простых шортах и футболке. Длинные белокурые волосы были собраны на затылке. Владимира не было, и Наташа поднялась с дивана и направилась к Тео.

– Спасибо, что доставили картину. – Ее лицо осветила приветливая улыбка. Она узнала Тео даже без костюма. Сегодня он тоже надел шорты и футболку, а ботинки оставил внизу в специальной корзине. – Владимир сказал, что картину привезет посыльный. Приятно, что это решили сделать вы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.